

Леонард И. Браев

Познание и
очарование

Колеи и безумства ума

*Начала нецеситной колейной
теории*

Издательство “Салика”

2013

УДК 1(075.8)
ББК 87я73
Б (И) 87

Фрагменты из книги:

*Леонард И.Браев. Познание и очарование.
Начала нецеситной колейной теории. Колеи и
безумства ума. – Изд. “Салика”. 2013, – 568 с.*

ISBN 978-5-906541-03-1

Аннотация

Человека принято величать разумным, но, глядя на его дела, слишком часто этого не скажешь. За минувшие века народы испытали столько очарований и разочарований, такие крушения великих теорий и идеалов, прекрасных и, казалось, несокрушимых, ради которых они не жалели ни себя, ни других, что ныне чувствуют себя в пустыне неверия и жажду одуматься.

Откуда является наше знание о том, что скрыто за пеленою видимого? Если даже в науке её всякие флогистоны, эфиры и атомы, приходящие в ореоле экспериментально измеренных, со временем рассеиваются, то есть ли что достойное нашей веры? Если об одном и том же истина одна, то откуда различие и смена людских мнений? А если истин много, то почему они исключают \equiv отрицают друг друга?

Настоящая книга - попытка исследовать не только как человек познает, но и как заблуждается, почему бывает разумным - если бывает, - и почему сумасбродом.

Не мне судить, насколько это обсуждение удалось.

Продолжение исследования – в следующей книге «Истина и наука».

© Ибраев Леонард Иванович, 2013 г.

Отрывки из книги:

Фрагменты 1. 1. Генетическое введение

1.1. Зачем познавать познание?

1.1.1. Что такое гносеология?

Мы уверены, что знаем, например, что существует объективный мир, существует или не существует Бог, естественные законы, что вон там лежит книга, а там стоит стул или стоял стул, поскольку, стало быть, есть такие атрибуты мира, как пространство и время. И т.п. Но спроси нас, что это такое? Откуда мы знаем это? Каковы основания, что мы не ошибаемся? Что такое вообще значит знать? – и мы беспомощны ответить.

Как ни грандиозны успехи науки, но в этом отношении и в ней дела обстоят не лучше. Исходя из некоторых принятых ею принципов, начал и фактов, она трудится над строительством логически непротиворечивой теории для объяснения некоторого типа явлений, но не исследует природу собственных теоретических начал и фактов: что такое событие? закон? истина? и т.д. В этой нескритичности к своим началам и состоит её отличие от философии, хотя в их понимании она всегда исходит из какой-то философии, не может не исходить, но может не знать об этом.

В философии есть отрасль, рожденная как раз стремлением познать само познание, его возможности и пути. Для неё в конце 18 века И. Кант, сам немало здесь потрудившийся, придумал имя – *гносеология*, или в переводе с греческого – наука, теория, словом, логия познания. В англоязычных странах теорию познания принято именовать *эпистемологией*, но она там все больше сосредотачивается на исследовании познания научного, для которого мы и прибережем это слово, полагая, таким образом, эпистемологию разделом гносеологии. (Επιστήμη - по-гречески значит знание определенное, точное).

1.1.2. Противоречивость познания.

Откуда пошла гносеология?

Задумываться о возможностях познания нас заставляет всякое затруднение в познании. К примеру, что думать о странных (“аномальных”) явлениях в атмосфере, прозванных неопознанными летающими

объектами – НЛО? Сообщений об их наблюдениях и фотографиях уже тысячи, и иные в высокой степени правдоподобны

.....

Разлад чувств и разума ошеломил людей сразу же за выдвижением методов умозрительного (логического) познания, – рассуждения. Пожалуй, раньше всего они проявились в поразительном открытии пифагорейцев, известном ныне каждому школьнику – несоизмеримости диагонали и катетов, иначе говоря, невыразимости их рациональными (целыми или дробными) числами, несмотря на то, что для глаз то они вполне соизмеримы. Это умозрительное открытие так потрясло пифагорейцев, что они несколько лет скрывали его как одну из ужасных тайн мира и нарекли такие числа иррациональными, – буквально значит безумными. Затем тоже древние греки рассуждениями же доказали, что Луна и Солнце больше соседнего дома, – опять вопреки видимости. Затем – что окружающее пространство заполнено воздухом, которого не видно. Затем, что все видимые вещи состоят из мельчайших частиц – атомов, хотя они из-за своих малых размеров невидимы. Позже пошли флогистон, энергия, эфир, электрон и т.д. – разум засыпает нас такими умозрительными ненаблюдательными сущностями.

Но в таком случае чему же верить: чувствам или разуму? Где истина?

3. Следующее, третье основное противоречие – противоречивость *самого разума*, внутри разума.

Одни считают, что основу мира образует материя, другие – таинственный мировой дух; одни – что мировая субстанция неизменна и слитна, другие – что все течет и дискретно; одни – что все имеет причину, другие – что человек в своих желаниях и делах свободен; одни – что счастье в общественной собственности, другие – что счастье в частной собственности; одни – что масса, пространство, время, истина, красота и мораль абсолютны, другие – что все относительно, а третьи, как Гераклит или Гегель, утверждают сразу и то, и другое. И, что особенно тягостно, каждое мнение имеет убедительные основания.

Ныне самый сильный удар по догматическому сну наносит история самой науки, прежде всего естествознания, потрясения последних научных революций. Наука открыла сама у себя столько заблуждений, опрокинула столько собственных великих теорий: крушение птолеми-

евских представлений о вращении вокруг Земли Солнца, планет и звезд; крушение теорий теплорода и флогистона, линнеевской неизменности царства растений и животных, ламарковский веры в приспособление организмов к изменяющейся среде из “внутреннего стремления” и упражнения органов; смена корпускулярной теории света волновой теорией Юнга – Френеля, а её – планковский квантовой; крушение презумпции неделимости атомов; вытеснение ньютоновой механики – эйнштейновской, и т.д., и т.п., – оглянитесь на анналы научных блужданий, – разве *после* них возможна спокойная уверенность, что *современная* наука – чистая истина? Такое убеждение в погрешимости любых теорий Ч. Пирс и К. Поппер окрестили фэлиблизмом (от англ. fallibility).

Революции в науке всегда до оснований её сотрясали, сея растерянность, страх и горечь – как грозные свидетельства того, что и сама царица знания ошибается. Но и в спокойные времена наука всегда остается далекой от идеала совершенной обоснованности и строгости. Так, ныне физики разделены на сторонников лоренцевой и – большинство – эйнштейновой гипотез в объяснении явлений близсветовых скоростей; между обеими гипотезами нет экспериментальных различий и ни та, ни другая не удовлетворяют фактам, но физики закрывают глаза на противоречие релятивистской теории звездной аберрации, доплер-эффекту и законам сохранения и на множество её внутренних несообразностей – “парадоксов”: И так не только в современной физике. Противоречащие факты и положения, “аномалии”, в научных теориях есть всегда; безупречных теорий неизвестно. Лишь неискушенные люди, знакомые с наукой только по учебным курсам, сохраняют иллюзию её единодушия.

Такие повторяющиеся падения устоявшихся концепций и пугающие приходы “сумасшедших” идей, нескончаемые научные дискуссии и противоречия не могут не приводить к подозрению, что наука недостоверна, в лучшем случае только вероятна.

Но ведь и эти, ныне отброшенные устаревшие теории, ставшие для нас невероятно нелепыми, вроде аристотелевской динамики и химии, флюоидной электродинамики или флогистоновой термодинамики – строились в основном *теми же методами*, что и современные, и для своего времени были не менее *обоснованными*. Для древних муд-

рецов мир состоял из четырех элементов или стихий (essentia): земли, воды, воздуха и огня. С этой позиции железо являлась соединением земли, огня и воздуха. И это соответствовало тогдашней металлургии: руда (“земля”) плавилась на огне и продувалась воздухом с помощью мехов; практики, которая дробила бы материю далее, люди тогда не знали. Теория Птолемея тоже давала верные предсказания, её выводы позволяли рассчитывать и календарь, и движение светил, и прокладывать курс кораблей; по этой теории определялось и время сева, иплыли корабли Колумба и Магеллана. Чем не доказательство истинности теории? А разве сохранение массы и неделимость атомов не подтверждались фактами?

Но если ныне опровергнутые теории были для своего времени обоснованными, то не ждет ли такое опровержение и современные теории? Чем они лучше старых? Выходит, наука включает не только истины, но и фикции? Где гарантия, что их нет сегодня? Что такое истина? Где граница науки и ненауки?

Картина пучины меняющихся и отвергающих друг друга мнений всегда действует удручающе, особенно на новичков и особенно в периоды общественного разложения и кризиса, как, например, начавшегося в Элладе с 4 в. до н.э. или в Европе с конца 19 века. И без того жить тошно, а тут ещё и в мыслях – разброд и хлябь.

1.1.3. Возникновение гносеологии

Отверзшаяся противоречивость познания подорвала доверие к нему, поставила сам вопрос о его возможности и источниках и тем самым воззвала к жизни гносеологию. До этой утраты простодушия и невинности даже для самых прославленных мыслителей познавательных проблем просто не существовало, а поэтому у них не было и никаких теорий познания. Казалось, все просто: смотри, думай – вот и познаешь. Зачем тут мудрить? Так же, возможно, как не было познавательных проблем и для многих из вас – до настоящей минуты.

Вот почему гносеология – довольно позднее дитя мысли. Три века на восточном побережье Эгейского моря, в Ионии, как его тогда называли, витийствовали легендарные мудрецы, такие, как Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, позже – Гераклит, аналогично в Северном Китае, на Хуанхэ – Лао-Цзы и Конфуций, в Индии – не оставившие нам

своих имен локоятики. Но все они лишь изрекали, как оракулы, а простые смертные должны были почтительно внимать им с открытым ртом в изумлении перед их непролазной мудростью. У них не возникало даже сомнения в самом познании, а поэтому им казалось излишним строить объяснения и искать пути познания.

В ту детски ясную пору, когда не было гносеологии, тогда, строго говоря, не было и философии как критики и теории, а были отдельные изречения, фантазии и притчи – скорее это была протофилософия.

Ясность исчезла и опустелись сомнения, когда объявилось много разных мыслителей, и они стали противоречить друг другу, а поэтому спорить и доказывать. Простой античный человек послушает одного умника: как захватывающе, как прекрасно, как верно! Послушает другого – тоже великолепно и тоже вроде б убедительно, но ведь совсем иное. А у третьего опять иное и тоже доказывается. Где же истина? Кто заблуждается? Как самому не заблудиться?

Вот только тут возникла потребность разобраться в этой смуте и какие-то зачатки теории познания, первоначально ещё без своего специального имени.

.....

Фрагмент 2. Из 1.4.5. Опустошение философии.

.....

Первая половина 19 века ознаменовалась началом индустриализации, пролетаризации и упадком Просвещения, его рационализма и гуманистических – либеральных идеалов – носителей светлого будущего человечества. Спекулятивная философия стала отступать и уже мало кого привлекала, восторжествовал трезвый эмпиризм и культ науки. Но они не в состоянии были дать основания для былых оптимистических надежд, не давали даже уверенности, что знание – нечто большее, чем множество противоречащих друг другу гипотез. И как будто в подтверждении этого в самой дискредитированной философии сложилась курьезная картина: разброд мнений, но все вещают не сомневающимся категорическим тоном, будто знают истину и с немимовверным высокомерием третируют всех, кто не разделяет их мнения, как бессмысленных, отсталых или в лучшем случае ограниченных. Возвышенные и тоже якобы научные идеалы выдвигал лишь марксизм, но он был столь слабо обоснован и столь злобен, что преисполнял энтузиазмом главным образом несчастных маргиналов, но

редко привлекал сколько-нибудь образованных и благополучных. Ныне же и он себя скомпрометировал.

Ушли в прошлое популярные грандиозные философские построения. Их редкие попытки, вроде героически предпринятых Гуссерлем, занимают разве что немногих узких специалистов. Большинство философствований: позитивизм, ещё более постпозитивизм и экзистенциализм, – не столько строят, сколько разрушают, сея яд тотального сомнения, тем более сокрушительного, чем более он умен и пронизателен в развенчании милых иллюзий.

Характерен один из самых возвеличенных современных интеллектуальных кумиров – Л. Витгенштейн. Он отказывается от познания мира, не имеет ни своей онтологии, не то, что онтологической теории, но даже онтологических проблем, ни своей гносеологии. Философии оставлено только одно – помочь философствующему избавиться от философских проблем. Он сам интеллектуальным исследованиям предпочитал работу школьного учителя, санитара, садовника, а когда все же принял место преподавателя в Кембриджском университете, его тошнило от собственных занятий философией и после семинара он спешил забыться в ближайшем кинотеатре.

.....

Фрагменты 3. Из 1.4.7. Пробуждение России к гносеологии

.....

... Ярким отличием русской философии от технически умствующей западноевропейской является её крайняя духовная серьезность и напряженность, даже героизм в искании жизненной правды о “роковых вопросах”, в чем она и предвосхищает, и превосходит экзистенциализм 20 века. Русские философы были сильны в анализе сложностей человеческого сознания и общества, – того, что их более всего волновало. Здесь они являют столько глубины и блеска, сколько мало известно в мире.

Но у этой силы русской мысли причины те же, что и у её слабости: в России философия была не столько анализом и знанием, сколько поучительной проповедью, моральной, религиозной, политической.

.....

Большинство официальных и.о. философа, *советских* эпигонов унифицированного марксизма-ленинизма сочиняли косноязычные и схоластичные философидные кичи, которые невозможно читать, догматические подобострастные комментарии священных писаний “классиков”, отцов-основоположников и очередных постановлений

коммунистической партии на уровне ура – караул, восторгов и обличений, призывов и всхлипываний. Господствовали авторитарность, начальственные предписания, скучная казенщина катехизисов и сводов абсолютных истин. Философия задыхалась без самокритичности и удивлений, озабоченности проблемами, на которые заранее не известны ответы, и дискуссий подлинно теоретических, а не начётнических и кляузных. Что же странного в её застойности? . . .

Однако в послесталинскую оттепель начали пробивается на свет действительно профессионально подготовленные, талантливые и оригинальные философы, – такие, как Э.В. Ильенков, Ю.Ф. Карякин, Ю.Н. Давыдов, М.К. Мамардашвили и др. Они не были в фаворе у власти, наоборот, часто терпели гонения, правда, их не арестовывали, не зная, за что, потому что при всем вольномыслии они блюли коммунистический ритуал, да и искренне разделяли многие марксистские догмы, в которых росли. Но знаменательно их увлечение гносеологической и методологической проблематикой. В идеологической духоте это было здоровое пробуждение критического духа. А за ними стояли многотысячные круги новой советской интеллигенции, которая не могла не думать. Она добивалась издания и жадно впитывала мировых классиков и современных западных философов, которые являли не только школу эрудиции, но и несли свежий воздух свободной мысли. Так зрели социальная потребность и необходимые культурные предпосылки возрождения в России подлинной философии.

В социальной географии философии бросается в глаза одна закономерность: в Англии и США преобладает почти исключительно гносеология и очень мало онтологии, разве что её некоторые зачатки у Дж. Толанда или Ф. Брэдди и Дж. Мак-Таггарда. Наоборот, в классической Германии почти не было гносеологии, исключая ревизиониста Канта, а Шеллинг и Гегель саму гносеологию умудрились превратить в онтологию. Гносеология складывается в Германии уже индустриальной, с конца 19 в., в неокантианстве и прежде всего в позитивизме.

Такое движение гносеологии вслед за индустриализацией и буржуазной модернизацией общества, думается, симптоматично. Не прочит ли оно, что ныне настал черед и нашей родины – России для расцвета гносеологической культуры?

.

Фрагменты 4. Из 2.1.6. Как возможно узнавание предметов?

Сенсуалисты воображают восприятие комбинациями ощущений. Но в восприятии соединяются не только ощущения, но ещё и осмысление: такой-то воспринимаемый комплекс ощущений является тем-то предметом; это вишня, это дерево, это карандаш, S есть P. Но для такой умственной операции, очевидно, надо *прежде* знать, что такое вишня, дерево или карандаш, – этот предмет P. Следовательно, осмысление включает *воспоминание* прежнего опыта. Этот сложный акт в восприятии называют узнаванием.

Узнавание (опознание, экспериор, recognition) есть отнесение воспринимаемых образов к определенному типу объектов, к их категории, роду, – категоризация, отождествление (идентификация), а, значит, воспоминание его связей с другими объектами и его свойств – осмысление. Воспринимать – значит узнавать в сенсорных данных знакомое. Узнавание объекта может сопровождаться его названием словом, вслух или мысленно, но может происходить и без называния, быть дословесным.

Как возможно узнавание? Объяснение этого фундаментального психического акта, на первый взгляд такого простого, неожиданно упирается в его загадочную сложность.

Первая трудность – *разноликость* узнаваемых объектов. Ведь даже тот же самый предмет каждый раз предстает нам в разных *обликах*: поворачивается разными гранями, в разном освещении, удалении и т. д. но мы почему-то воспринимаем его как тот же. Больше того, предмет может измениться – и мы замечаем эти изменения, но все же считаем его тем же предметом, хотя и изменившимся. Ещё темнее категоризация *разных* объектов одного типа: столько существует видов и обликов, скажем, дерева: они различаются формой, цветом, размерами, запахом – бесконечное множество, – и тем не менее во всех этих видах и обликах мы узнаем: «Это есть дерево».

С этим сопряжена другая проблема – отождествление *прерывающегося* восприятия: в чувственном опыте объекты предстают нам разорванными; мы не в состоянии наблюдать их непрерывно. Как же мы узнаем, что это те же самые объекты? (1.3.8)

Противоположная загадка – *разделение* непрерывного потока сенсорных образов на отдельные объекты. К примеру, речи на звуки. Физически звучания слов наползают друг на друга, но слышим мы их

отдельно от другого. Паттерны окружающих предметов для органов чувств сливаются, но мы почему-то видим отдельные предметы. Как?

Но эта неожиданная сложность элементарного тем более тревожна для науки, что узнавание свойственно уже самым низшим уровням психики, всем животным. Без узнавания местности, травы, пищи, хищников и других опасностей невозможна никакая деятельность, никакая ориентация и целесообразность поведения, даже примитивнейшая рефлекторная реакция насекомого и всякая психика лишается смысла.

С 19 века и до сих пор узнавание обычно объясняют сличением воспринимаемого образа со следами в памяти, неким схематическим эталонным представлением, образом объекта, сложившимся в прошлом опыте. Г. Гегель, Г. Гельмгольц, Дж. С. Милль, В. Вундт называли это сличение «бессознательным [?] умозаключением». Сегодня его предпочитают моделировать механистически, уподобляя логическим операциям компьютера – перебора (parsing) признаков в «дереве» классификации объектов.

Такое логицированное и механицистское объяснение узнавания вызывает большие сомнения, притом часто даже у самих его изобретателей. В самом деле:

1. Оно означает допущение умозаключений, пусть каких-то «бессознательных», и уже во всяком случае операций сравнения, выделения признаков и дедукции уже у младенцев и даже у низших животных, к примеру, у червя, который по запаху узнает прелый лист. Неужели все животные мыслят?

2. Оно порождает порочный круг: само мышление и самое простое сличение образов объектов предполагает их предшествующее узнавание: каждый «признак» есть объект в уменьшенном масштабе и тоже должен быть узнан.

3. Оно содержит допущение внутри психики некоего существа, своего рода гомункулуса, производящего это сличение образов, – и тем самым только переносит проблему узнавания на этого таинственного мыслителя, спрятавшегося внутри всех животных: как оно производит узнавание?

4. Оно упирается в невозможность сличить с каким-то одним инвариантным эталонным образцом бесконечного сонма разнообразных обликов объектов какого-то типа, различающихся в зависимости от

угла зрения, расстояния, освещенности и т.д. («транспозиций гештальта») и всех его разнообразных подтипов-видов. К примеру, как распознается речь? Ведь она звучит в самых различных тембрах, регистрах и громкости; фонемы существуют в самом различном произношении, индивидуальном и позиционном, и все же узнаются как те же. Сейчас эта психологическая и лингвистическая проблема обратилась в важнейшую техническую, над которой бьются разработчики компьютерного распознавания речи.

5. Логицистская и механицистская модель узнавания не объясняет его немедленности: у каждого объекта множество видов, обликов, а в них – множество различных черт-признаков, каждый из которых в свою очередь есть объект со своим множеством обликов, видов и в них признаков, да ведь ещё несметно во вселенной количество самих объектов, хотя бы тех, которые нам известны, как же все сравнить? Очевидно, сличение («сканирование») всех этих черт методом их перебора никогда бы не кончилось, между тем как узнавание обычно происходит сразу. Довольно редко случается, как правило, при встрече с каким-нибудь экзотическим объектом или в научном изыскании, чтобы мы сперва восприняли отдельные признаки, но затруднились, потом задумались и на их основе умозаключали о типе объекта.

Однако если узнавание включает также сложные операции, как расчленение образа на отдельные объекты, их сравнение, отождествление и различение, – категоризацию, осмысление, и тем не менее не мышление и не механический перебор, то что же это? Как оно происходит? Где ответ?

2.1.7. Индивидуальность восприятия

Вы, наверное, убеждены: *что* мы увидим, определяется тем, что предстоит перед нашими глазами? Как бы не так.

Как вы думаете, одинаковы ли будут портреты одной и той же женщины, но нарисованные один – художником, который в нее влюблен, а другой – тем, кому она не нравится? Чтò за объект и каким мы его воспримем, зависит не только от объекта, но и от нас и поэтому у людей различается. Недаром один и тот же пейзаж художники рисуют разным – при всем сходстве изображения. Один и тот же Пушкин для либералов – певец свободы, в толковании большевистских литерату-

роведов был чуть ли не революционер, а для монархистов – патриот великой монархии, для аристократических кутил – сластолюбивый сибарит, а для вдохновенных теологов – страдающий религиозный пророк, чуть ли не миссионер. Бедный поэт, кем он только ни оказывается, и все-то находят в его стихах подтверждение своей версии. Конечно, при этом все толкователи замечают в нем также и противоречащие своей схеме, но отклоняют эти – так, некие “несущественные” отступления от главного.

Притом восприятие меняется вслед за пониманием. В психологических экспериментах оказалось, что после разъяснения сущности наблюдаемого испытуемые рисуют его иначе, чем до того, выделяя существенные детали, которые прежде пропускали. Вспоминая свою студенческую практику, М. Полани отмечает особенности в изучении курса рентгенодиагностики легочных заболеваний. Вначале, слушая комментарии специалистов, он был ошеломлен; ему кажется, что они просто фантазируют, подробно говоря о состоянии легких в то время, когда он различает на флуоресцирующем экране всего лишь тени сердца и ребер да несколько смутных пятен между ними. Только постепенное упорное внимание и сообразительность раскрывают перед ним рубцы, признаки физиологических изменений, патологических отклонений, хронических инфекций и другие значительные детали (с. 149-150). Понимание рентгенограммы и языка легочной рентгенологии происходит одновременно.

Чем обширнее и разнообразнее система слов, а за ними – понятий в активном сознании человека, тем больше в мире он видит и слышит. Историк, музыкант, врач или инженер по-разному и с разной глубиной поймут книгу по физиотерапии или роман «Война и мир». Английский астроном Чаллис, проверяя сообщение У. Леверье и Дж. Адамса о новой планете, позже названной Нептуном, в 1846 г. четыре раза наблюдал её в телескоп, заметил у неё даже то, что потом будет опознано как спутники, но тем не менее планету в зеленоватом пятне так и не увидел, потому что был убежден в ошибочности гипотезы.

Восприятие зависит также и от нашего эмоционального состояния. В 1938 году, когда по американскому радио передавалась инсценировка романа Г. Уэллса «Война миров», сотни тысяч слушателей приняли её за официальное обращение о нападении марсиан, страну

охватила паника – и вот более *ста тысяч* (!) американцев, по их уверениям, «видели» марсиан своими собственными глазами.

Таким образом, люди могут не видеть то, что есть, видеть то, чего нет, и все видеть разное. В чем причина этой субъективности восприятия? Выходит, воспринимаемый образ определяется столько же снаружи, сколько и изнутри субъекта, завися как от разума, так и от подсознательного содержания его головы.

Но в таком случае идеал теоретической девственности, беспредпосылочности и непредвзятости восприятия есть утопия? Каждому восприятию предшествует какое-то предзнание – языковой или понятийной системы и какое-то мышление.

Конечно, нельзя упрощать: зависимость восприятия от психики субъекта вовсе не диктаторская: в других случаях глаза способны противостоять разуму. Почти все люди воспринимают Луну диском сантиметров 30 в поперечнике и удаленным километра на два, - ошибаясь в миллионы раз, но так видят несмотря на то, что современные образованные люди все понимают, что это не так. Даже понимая, что Земля вращается вокруг Солнца, мы все же *видим*, что солнце вращается вокруг нашей тверди.

Почему же и в каких случаях восприятие зависит от субъекта? Как совершается такая субъективация образов предстоящего нам мира? Объяснений нет.

А перед теорией познания наше искривление мира ставит кардинальную трудность: если восприятие столь субъективно, то как же познание может ему доверять? Можно ли как-то освободиться от коварства предвзятости восприятия? Мы уже видели, сколько эта сомнительность повлекла в гносеологии разных решений, теоретических построений и их борьбы (1.1.2, 6, 1.2.7-9, 1.2.17-1.3.4).

2.1.8. Прозрачность восприятия

У восприятия есть ещё одна загадочность – иллюзия тождества его образов и внешних предметов, тождества, в котором не сомневается «наивный реализм» (презентационизм) (1.2.13). Такая проекция образа на объект была замечена давно, ещё Платоном. Направленность сознания на предмет по Ф. Brentano, В. Вундту, Э. Гуссерлю называют

интенцией (от лат. *intendere* – стремиться, тянуться) или *предметностью* (1.2.16, 1.3.5), но объяснить её затрудняются.

Благодаря интенциональности восприятие обретает ещё более поразительное свойство – оно становится прозрачным, само по себе невоспринимаемым. Моим глазам дан не стол, а только система его ощущений, но вижу я стол, а не его сенсорный образ, широкое темно-коричневое пятно. Аналогично я вижу книгу, а не белый прямоугольник с полосками темных крючков на нем. Требуется усилие, чтобы сосредоточить внимание именно на ощущениях.

Интенциональность и прозрачность восприятия – явления психологические, а не объективные. К досаде неореалистов (1.1.29), интенцией обладают иллюзии и галлюцинации, хотя у них нет объекта.

Парадоксальность этого феномена удивляет: процессы субъективные, протекающие в субъекте, физиологические и психологические, предстают нам как объективные. Как это происходит?

Экспериментальные исследования этого явления ведутся во всем мире: Д. Гибсон, Д. Хебб, П. Грегори, В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес, А. Н. Леонтьев и др., но непротиворечивого объяснения нет. Тайнственность интенции и питает мистические подозрения Э. Гуссерля или М. Хайдеггера.

Как же понять это диво нашего восприятия?

2.1.9. Образы вещей – не вещи

Для современной физики, физиологии, психологии ясно, что ощущаемые образы далеко не то, что вещи за ними (1.2.17). Различие образов и вещей проявляется хотя бы уже в том обстоятельстве, что о вещах мы знаем несоизмерно больше, чем в состоянии видеть, слышать, нащупать: мы знаем внутреннее строение вещи, её элементы до атомов, их ядер и электронов, их связи, движения, взаимодействия, причины и свойства. Все эти утверждаемые наукой ненаблюдаемые сущности вещей следует либо отвергнуть, как вполне последовательно делает феноменализм, либо признать различие восприятия и вещей. Последовать за феноменализмом? Но эти интеллигибельные сущности вещей настолько плотно обоснованы соединением теории и экспериментов, что допуская в своих знаниях неполноту и гипотетичность, то есть возможность каких-то заблуждений, тем не менее мало найдется

в современной науке скептиков, которые, подобно Э. Маху или Б. Расселу, отважились бы отрицать их полностью и тем более отвергать за этими ноуменами всякую объективность, а, стало быть, отвергать отличие вещей от данного в ощущениях.

Различие перцептивных образов и вещей имеет по меньшей мере три ступени преломления:

1. Психические ощущения, перцептивные образы отличны от рецепторных образов, - физиологических процессов в рецепторах органов чувств, а те в свою очередь отличны от процессов в нервах и нейронах мозга: ни в какой микроскоп в этих клетках не виден образ зеленого дерева или голубого неба, а лишь ионные потоки.

2. Физиологические процессы в рецепторах и нервах отличны от вызывающих их внешних раздражителей: электромагнитных, звуковых, тепловых, химических и механических воздействий. Для современной науки объективно существует не цвет, а свет – электромагнитное излучение определенной частоты, не звук, а дрожание воздуха, не теплота, а скачки с некоторой скоростью молекул, атомов, электронов и фотонов. Мир вещей самих по себе бесцветен, беззвучен, бестёпел. Совсем не тот, что дан нашим чувствам. Но в результате этого двойного преломления восприятия, нейрофизиологического и психического, мы ощущаем не фотоны разной частоты, а свет разных цветов, не воздушные колебания, а звуки разной высоты, силы и сочетания (шума, тембра), не скорость скакания частиц, а тепло.

3. Третья ступень преломления чувственного познания: исходящие от вещей электромагнитные, звуковые и другие воздействия на нас отличны от самих вещей – при всей связи между ними. Мир совсем не такой, каким мы его видим, слышим, осязаем, ибо мы ощущаем не сам мир, а только некоторые его промежуточные следствия. Нами ощущаемы непосредственно не сами вещи, а исходящие от них действия: световые, тепловые, звуковые, химические, гравитационные и другие механические. Притом только те из воздействий, которые соответствуют природе нашего организма (1.2.8, 2.1.2-3): в этом смысле мы знаем только самих себя. Даже при контакте с вещью её осязание вызывается только её поверхностной структурой. Чувствуемое нами воздействие вещей всегда опосредовано отличными от них посредниками.

Даже признавая, что объекты являются причинами ощущений, мы все же знаем, что причина не тождественна следствию. Лунный свет имеет причиной солнечный свет и его отражение от поверхности земного спутника, но он отличен как от Луны, так и от солнечного света. Источник света – Солнце, но свет отличен и от Солнца.

Продолжением отличия воздействий от вещей становится их временное отличие: из-за ограниченности скорости излучений мы сейчас видим то, что существовало когда-то в *прошлом*, а сейчас уже совсем не таково или вовсе не существует. Для окружающих нас деревьев, домов, облаков эта временная разница ничтожна – тысячные доли секунды; но мы так привыкаем к незаметности этой разницы в повседневном опыте, что как-то забываем, что для звезд она составляет уже годы и века, для галактик – миллионы лет, а свет квазаров помчался к нам, когда ещё не было Земли. На ночном небе, мы видим, сверкают тысячи светил, но половины из них, возможно, давно не существует, они погасли ещё до начала человеческой истории. Так что космический путешественник рискует ничего не найти в том направлении, куда летит и где что-то видит. А, может быть, ядро нашей метагалактики уже тысячи лет назад взорвалось, но мы этого не знаем, а когда узнаем, это будет наше последнее знание?

Как видим, современная научная картина восприятия только обостряет давнюю гносеологическую проблему: если образы восприятия так троекратно отличны от заощущаемых вещей, то как же мы узнаем об этих заощущаемых вещах? На уровне ощущений это остается неизвестным, - в этой критике сенсуализма феноменализм прав (1.2.9). Где доказательство, что эти ненаблюдаемые сущности сами по себе существуют да ещё именно такими, какими мы их сегодня мыслим? Почему эти ноумены мы не станем завтра мыслить иными, как уже не раз бывало в истории науки?

Конечно, агностицизм прав в том, что ниши ощущения ограничены и отличны от вещей. Но ведь мы тем не менее что-то знаем об объектах. Откуда же мы знаем о них?

.

Фрагменты 5. Из 2.2.1. Сущность познания

Знание неточно отождествлять с заместителем (substitut'om) объекта, потому что заместителем является любой другой объект с подобными свойствами. Но разве камень является знанием о горе?

Существенно отличие знания также и от модели: знание – средство координации деятельности, управления ею.

Феноменализм (1.2.2) сводит сознание к потоку ощущений – образов, отвергая его «удвоение», допущение за ними какой-то глубины – сущности, как спиритуалистической потусторонней (1.2.5), так и материалистической – отражения (1.2.12). Но согласиться с этим означало бы отрицать все объективное и упереться в тупики агностицизма, которые уже известны (1.2.3, 1.2.7). Если же признать существование объектов, то необходимо объяснить их связь с сознанием, а здесь за тысячи лет ничего не найдено, кроме сверхъестественного спиритуалистического проявления или естественного отражения.

Для материализма сознание является отражением объектов в субъекте, а познание – вычленением из субъективного потока сознания объективного отношения вещей друг с другом. Познание – *процесс* установления объективного, а знание – его *результат*, субъективные образы этого объективного.

Но что такое отражение?

2.2.2. Что такое живое отражение?

Понятие отражения кажется простым. Кто, в самом деле, не видел отпечатка одного предмета на другом или своего отражения в зеркале и не знает, что значит их соответствие? Однако ведь сознание колоссально отлично от таких природных отражений. Где в зеркале находятся эмоции, ассоциации, воспоминания, самосознание своего «Я», мышление, логика, образы ненаблюдаемого, фантазии, идеалы, интенция объективности (1.4.2)? Где узнавание и понимание (1.3.1)? В этом огромном отличии сознания от природного отражения гносеология давно убеждается на каждом шагу в своем трудном развитии. Эта непохожесть, в частности, питает неприятие рефлексивной теории.

Видимо, психическое отражение какое-то особое. Что же такое живое отражение? Является ли сознание отражением?

.....

2.2.5. В чем различие отражения в природе и в живом?

Отражение – есть сторона и следствие взаимодействия вещей, а именно *отражение* есть изменение строения и состояния одной вещи, подвергшейся действию, в частичном соответствии со строением и состоянием другой вещи, действующей.

Результатом отражения является некоторое *подобие* одной вещи другой, действующей, которое и называют *образом*.

Подобие образа и объекта обычно заключается в подобии их структуры, как синхронной, так и диахронной (иначе говоря, её изменения, состояния), но не в тождестве элементов.

Ошибочно обыденное сужение образности до наглядности. У слова образ есть три смысла:

1. В широком гносеологическом смысле образ – это всякое подобие, возникающее в результате отражения, под действием оригинала.

2. В узком гносеологическом смысле подразумевается *психический образ*, а он бывает как чувственным, «наглядным», каковы образы восприятия и представления, так и абстрактным, какими бывают понятия.

3. Образ – *изображение*, материальный искусственный образ: рисунок, чертеж, макет и т.п. Оно тоже может быть ненаглядным, каково отражение звуковых или световых образов в магнитной или лазерной записи.

Отражение существует и в неодушевленной природе, а сознание – образы особые, существующие в живом существе.

Вульгарный материализм обходит стороной, что такого отражения, как отпечаток, нет ни в восприятии, ни в представлении, ни тем более в мышлении.

Каково же психическое «отражение»?

Говорить, что психика есть «*субъективное* отражение» мира, значит то же самое, что сказать: психика есть психическое отражение, то есть скрытая тавтология, а сущность его оставить тайной.

.....

2.2.7. Идеальность и изобразительность сознания

С регулятивностью живого образа связана его другая основная особенность: сознание есть образ не зрительного отражения, копирования, которое фигурирует в классической рефлексивной гносеологии (1.2.10, 1.2.13), а образ, *создаваемый самим* организмом, хотя и под внешним воздействием, следовательно, психика есть *изображе-*

ние (2.2.5), имитация и репрезентация объекта по его некоторым свойствам, но не по субстрату, пространству, времени и многим другим отношениям, притом изображение активное, подобное *действующей* модели; поэтому отнюдь не воспроизведение (reproduction) объекта и уж тем более не тождество ему (2.1.9).

Чтоб контрастировать это различие, прибегнем к противопоставлению: сознание – не зеркальное отражение, а регулятивное изображение мира.

Тем более теории и все прочие миропонимания, их можно назвать отражением в смысле не зеркальности, а изображения. Понимания тоже конструируются ними в форме образов того, что мы во многом не слышим, не видим, а точно слепые только нащупываем в опыте и сознательно создаем подобно картам, графикам, схемам и другим искусственным образам, уже материальным, но тоже отвлеченным от многих свойств оригинала.

Миропонимания – это психические изображения, создаваемые более-менее сознательно, это изображения, так сказать, второго уровня. Однако изображением мира является и восприятие, хотя мы его намеренно не строим, напротив, оно предстает нам порождением воздействий внешнего мира и его зеркальным отражением. Но это лишь кажется, потому что конструирование изображения при восприятии происходит бессознательно. Каковы основания считать восприятие созданным нами изображением мира?

Основание утверждать изобразительность психических образов дается нам их коренным отличием от объектов; эти отличия нам в общем-то как будто известны, часто даже само собой разумеются, но именно поэтому пропускаются мимо мысли, но предстают удивительными, стоит на них обратить внимание. Выявим же их.

1. *Атрибутивное* различие, по присущности: наши образы – это образы наши, присущи нам, субъективны, существуют в нас, в нашей голове, но не вне нас, в вещах, неспособны летать, садиться на ветви деревьев или облака, витать среди вещей (в прямом смысле) и сами по себе как-то действовать на вещи, их передвигать и изменять, прозрачны и бессильны словно призрак или ничто, то есть не могут становиться своего рода вещами, остаются только мысленными, духовными.

Эта антиобъектность сознания – твердое убеждение современной науки: психика пространственно локализована в мозгу, в нервной системе. И только спиритуализм (1.2.2, 1.3.5) допускает существование идей в самих объективных вещах, хотя даже он полагает их отличными от вещей – в качестве их сущности – особой субстанции.

2. *Субстратное* отличие образов от объектов – по их *субстрату*: не думаем же мы, что наш образ вон того дерева, которое вы видим, построен тоже из древесины, а наш образ дома – кирпичный? Окружающие вещи состоят из какого-либо вещества, их наши психические образы – из ощущений, а в соответствующим им процессах в нервных клетках наблюдаются лишь ионные потоки.

3. *Пространственное* различие: кто может сказать, какого размера наш образ дерева? если такого же, как само дерево, то как же этот образ умещается в нашей голове с её в сравнении с ним довольно скромными размерами?

4. *Временное* различие: наши психические образы могут представлять предметы и события, которых уже давно нет, - воспоминания, - или ещё нет, - предвидения; они обгоняют все на свете, в состоянии в один миг перенестись в какую-нибудь архейскую эру, когда и людей-то не было, или на другой конец галактики, посрамляя скорость света; правда, конечно, лишь мысленно, а не реально, но мы ведь речь ведем о различии духовного и реального.

5. *Качественное* различие – по свойствам: кто сможет насытиться психическим образом хлеба или сидеть на образе стула? Наши психические образы не обладают ни физическими, ни химическими, ни биологическими свойствами объектов.

6. *Номное* различие – по законам: психические процессы следуют законам психологии: ассоциаций, рефлексов, эмоций, внимания и т.д. или логики; процессы в нервах и мозге – нейрофизиологическим законам электрических потенциалов, возбуждения, торможения, их иррадации, концентрации, взаимной индукции и т.д., а объекты следуют законам физики, химии, биологии.

Таково различие в самой сущности психического и вещного. Но и это ещё не все. К этим сущностным различиям между психическими образами и вещами добавляется их

7. *Содержательное* различие: наши психические ощущения далеко не то, что наблюдаемые в микроскопы биологические процессы в нервах, а те в свою очередь отличны от химических и физических превращений в рецепторах, которые в свою очередь отличны от физики вызывающих их внешних воздействий: электромагнитных, химических и механических, которые в свою очередь отличны от поверхности самих вещей – источников этих излучений и действий, а поверхность вещей в свою очередь отлична от их внутренних строений и процессов, - шестикратное преобразование информации, а за ними стоят и другие (1.2.9).

Но и это не все. К этим различиям в содержании психики и вещей добавляются ещё тоже содержательные различия в восприятии той же самой вещи тем же человеком, но в разных *условиях*, и тем более разными людьми, - что с древности поражает мыслителей (1.1.3) и что мы здесь повторять не будем.

Такие глубинные различия и заставляют психическое противопоставлять материальному как идеальное: психика **идеальна**. Конечно, не в обыденном смысле чего-то возвышенного и совершенного, а в изложенном (2.2.7.1-7) смысле противоположности материи, говорят, нематериальности.

А содержание этого различия не оставляет иного выхода, как признать психические образы не зеркальным отражением того, что им непосредственно противостоит и в них внешне копируется, а именно изображениями, хотя какими-то таинственными и непонятно, как образующимися.

Как же создаются наши психологические изображения мира?

.....

2.2.8. **Что такое «чувственное познание»?**

Никто не сомневается, что знанием являются понятия, суждения и их системы – теории. Величайшим, едва ли не общепринятым трюизмом в гносеологии почитается также убеждение, что начальной ступенью познания является некое «чувственное познание». Однако что это такое? Наши представления о вещах? Что представления существуют и являются знанием – это дано сознанию каждого непосредственно. Но ведь представления – не начало знания, а итог восприятия, а то и мышления.

Но является ли знанием чувственное восприятие? Целое гносеологическое направление – сенсуализм считает созерцание начальной ступенью и основой познания.

Однако восприятие – это именно познание, возникновение знания, но ещё не знание, как уже обретенное нами. Наоборот, восприятие невозможно и бессмысленно без *узнавания* воспринимаемых вещей (2.1.6) и, стало быть, без каких-то обобщений в памяти. Но тогда выходит, что восприятию должно уже предшествовать какое-то знание и оно не является началом?

К тому же восприятие свойственно и животным, даже простейшим. Считать ли их восприятие знанием? А если у животных есть восприятие и узнавание, то, стало быть, у них есть и какое-то обобщение в памяти.

Но как возможно у животных обобщение, если у них, во всяком случае, у низших животных, как установлено зоопсихологией, нет представлений и воображения? В какой же форме у них существует обобщение и память? В качестве инстинктов и рефлексов? Правильно ли считать это знанием?

Обыденное сознание не сомневается, что у животных есть знание: собака *знает* хозяина, кошка *знает*, чье мясо съела и т.д. Многие физиологи, например И. П. Павлов, и современные этологи, склонны вообще всякое знание сводить к рефлексам. Для К. Лоренца несомненно, что рефлекс есть знание, а *propter* для индивида и *a posteriori* для вида.

Является ли лежащее в основе рефлексов обобщение знанием? В рефлексе не различается подлинное и фикция: мотылек летит на любой огонь; волк боится любого красного флажка. В отличие от человеческого знания наш собственный рефлекс недоступен рефлексии, не противостоит сознанию как нечто подвластное нам и анализируемое. Когда с приближением к нашему глазу какого-то предмета мы мигаем, разве мы *знаем*, что в этом случае надо мигать?

Конечно, спор о словах бессмыслен и называть рефлекс знанием не запретить, но приходится признать, что во всяком случае это знание дочеловеческое. Его отличия: не мы им владеем, а оно нами. Это знание просто в смысле памяти. Как видим, применительно к животным говорить о знании возможно только в нечеловеческом смысле.

Но реакция, инстинктивная или рефлекторная, сама опирается на восприятие и узнавание, которое как раз и вызывает реакцию. Выходит, какое-то обобщение в памяти животных должно предшествовать рефлексам в качестве их базы и не является рефлексом. Тогда что же такое это обобщение, беспонятийное и даже дорефлекторное?

Казалось бы, это вопросы само собой разумеющиеся и элементарные. Но они до сих пор в гносеологии не были даже поставлены. Словно никто это загадочное *подсознательное обобщение* и не замечает. Похоже, так оно и есть.

2.2.9. Нейрофизиологический анализ и синтез

Осветить тайну порождения психических образов, подсознательного знания и узнавания, мне думается, позволяет учет экспериментально открытых современной нейрофизиологией клеточной специализации и механизмов психического процесса.

Анализ внешних воздействий производится уже специализацией клеток внутри органов чувств, проводящих нервов и головного мозга.

Специализация органов чувств проявляется в *избирательности* их физиологии: рецепторы, их строение и функционирование приспособлены к возбуждению исключительно от определенных воздействий: от световых – глаза, от разных видов механических – рецепторы в мышцах и коже, от звуковых – в ушах, от химических – вкусовые рецепторы во рту, обонятельные – в носу, от состояний организма – рецепторы во внутренних органах. Рецептор, так сказать, *выбирает* свойства, которые способны на него воздействовать, - давно известный закон И. Мюллера (1.1.3). Этим и создается разделение ощущений на их рецепторные виды: зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, обонятельные, тепловые, болевые и др.

Специализация рецепторов на прием каких-то одного вида раздражителей происходила под действием специфики самих внешних раздражителей как приспособление к ним. Так, глаза развились из ощущений на поверхности тела движений света и тени – признака возможного приближения пищи или опасности. Поэтому фоторецепторы глаз и сейчас чувствительны только к смене света и тени.

У низших животных нервные клетки приспособлены к чувству только *нерасчлененных* видов воздействий: химических, механи-

ческих, звуковых, световых – в форме рефлекторной реакции только на отдельные из них. Так, например, клещ ощущает падающий с какой-то стороны всего лишь нерасчлененный свет, как и мы сквозь закрытые веки – и ползет к нему вверх по дереву, затем чует снизу теплый запах жертвы – и падает вниз, – больше ему для жизни ничего «знать» и не требуется. Но у более развитых животных возникает дифференциация внутри воздействия. Так, у крабов или стрекоз глаз уже «сложный», состоит их многих отдельных ячеек (омматидиев), каждая из которых тоже отражает только пятнышко света или тени, но вместе они создают мозаичный образ, хотя ещё очень простой (2.1.3). Х. Хартлайн и С. Кафлер установили, что в глазу лягушки одни клетки реагируют, то есть дают импульс, только на тень («off-рецепторы»), другие – только на свет («on-рецепторы»), их собрания – на границу света и тени (край предмета) и на движение этой границы. Таким образом, здесь и анализ световых ощущений, и рефлекторная «команда» производятся прямо в глазу: появилось маленькое и темное пятнышко – хватай, надвинулась большая тень – беги; оттого-то лягушка и бросается на любой маленький движущийся предмет: муху или соринку.

Продолжением приспособления рецепторов стала специализация клеток самого мозга. У млекопитающих, включая человека, к различию фоторецепторов и ганглиозных клеток глаза добавляются особые зрительные нейроны в затылочной и теменной области коры головного мозга, назовем их **детекторными**. Детектор (от лат. detector - обнаруживающий) – всякое устройство для фиксации определенных импульсов.

Американские нейрофизиологи Д. Хьюбел и Т. Визель, вводя в разные места зрительной коры электроды, открыли (1963 г.) избирательность, специализацию её афферентных нейронов на возбуждении нервными импульсами исключительно от определенных элементарных образов: одни нейроны возбуждаются только при показе точек, другие – только прямых вертикальных линий, третьи – только наклонных на определенный угол, четвертые – их движений и т.д.

В телефоне или грамзаписи при уподоблении звуку электрического импульса (по «аналоговому принципу») из-за технических помех точность воспроизведения неуклонно теряется. Поэтому в современ-

ной записи на компакт-дисках подобие дополняется дискретностью, расчленением импульсов на ряд заранее установленных уровней и потеря точности в передаче звука, занижение или завышение импульса, исправляется его *округлением* до соседнего фиксированного уровня, - это так называемый «*цифровой принцип*» записи. Но подобной же дискретностью уподобления достигается точность редупликации биомолекул в двойной спирали ДНК генов и та же дискретность отражения существует в нервной системе: каждый детекторный нейрон связан с определенными рецепторами и настроен на возбуждение ионными импульсами только определенного диапазона.

Таким образом, чувственный нейрофизиологический анализ воздействий производится всей нервной системой по всему организму: начинается различием рецепторов, на которые воздействует объект; так анализ падающего света происходит уже в глазу – фотохимической реакцией на луч миллионов клеток сетчатки, «палочек» и «колбочек», каждая из которых реагирует в зависимости от световой насыщенности и частоты (цвета); продолжается в нервных волокнах, способных проводить электро-химический ионный поток от глаза, затем – местом в мозгу, куда поступает этот поток и, наконец, завершается детекторным нейроном.

Обратные процесс – *синтез* этих элементарных черт, отраженных детекторными нейронами, в сложный *сенсорный образ* (паттерн) осуществляется одновременным (симультаным) возбуждением какого-то сочетания (структуры) нейронов и их связью через синапсы и дендриты. Поэтому-то память на сложные образы, наоборот, фиксируется не в отдельных участках мозга, а везде, - подобно голограмме, - потому что существует не в клетках, а в связях между ними.

Так организм производит нейрофизиологическое разложение внешних воздействий на отдельные ощущения и сложение из них изображений мира.

Разумеется, этот остроумный нейрофизиологический механизм анализа и синтеза создавался миллиарды лет филогенеза в естественном отборе опыта предков от амёб и рыб до обезьян. Нашими глазами смотрит на мир вся эта громадная эволюционная лестница существ. Но унаследованная нами нейрофизиологическая система создания психических образов служит только биологической предпосылкой

дальнейшего уже нашего собственного необходимого практического анализа и синтеза познания, чье исследование нам предстоит.

2.2.10. Диалектика репрезентанта и образа

Зависимость ощущений от субъекта и оттого отличие от вещей – реальное основание, позволяющее агностицизму отвергать познавательное отражение, объявляя ощущения в лучшем случае всего лишь знаками вещей (1.2.14).

Осторожность гносеологического семиотизма похвальна, но однобока.

Ощущения создаются организмом и их отличие от вещей несомненно (1.2.13, 2.1.9), но назвать их знаками неграмотно, потому что сам знак опирается на образ. Знаковое толкование ощущений зиждется на полном непонимании механизма знака и способа связи с обозначаемым, но эти основы семиотики нам уместней рассмотреть позже.

Решение проблемы иное.

Ощущения отличны от вещей. Как нам уже известно, зеленого цвета, какой мы ощущаем, как такового в мире нет, а есть электромагнитное излучение. Так же как нет звуков, какие мы слышим, а есть вызывающие их, но непосредственно не воспринимаемые колебания среды. Нет теплоты, какую чувствуют наши ладони, а есть хаотические скачки молекул среды и излучение фотонов. Мир вещей самих по себе лишен цвета, звука, запаха, тепла (2.1.9, 2.2.7). Однако цвета, звуки, тепло – не пустые призраки. Ощущения – не презентанты, но репрезентанты вещей, их представители, потому что возникают под их действием в качестве их психических результатов и имеют некоторые различия между собой, соответствующее некоторым различиям свойств вещей, – по общему закону природы: разные следствия соответствуют разным причинам: дым – огню, гром – молнии, радуга – пересечению лучей и дождя.

Так, частота и сила отраженного или излученного вещами света зависит от их химического состава, строения, состояния, поворота в пространстве и т.д., что называется: излучение вещи отражает ее некоторые свойства и структуру. В свою очередь частота и сила излучения влияют на качество и структуру зрительных ощущений, благодаря чему по ощущениям мы можем судить о некоторых свойствах и

структуре вещи, хотя уже световое излучение – лишь некоторое подобие вещи, а не копия, и тем более отличны от неё вызванные светом ощущения.

Цвет, звук, тепло и другие ощущения, с одной стороны, это субъективные, *психические* явления, но, с другой стороны, они соответствуют объективным явлениям, которыми они вызываются: электромагнитным излучениям определенной частоты, колебаниям среды, скорости молекул, которые тоже называют цветом, звуком, теплотой, но смысл слов уже другой, - *физический*.

Поэтому каждое из ощущений, отдельных психических результатов воздействий объектов, есть только *репрезентант*, но никак не образ объекта, - здесь семиотизм прав, - но *комбинации* и *смены* сенсорных репрезентантов переходят в *образы*, как не образные осколки цветных стекол – в образ мозаики, поскольку отношения между ощущениями адекватны пространственным и временным отношениям между свойствами их объективных источников, короче, их структуры *подобны* друг другу, несмотря на сохранение огромного различия; тождества или хотя бы копии никогда нет.

Уже как репрезентанты ощущения обладают двойственностью: созданы организмом и отличны от объекта, но возбуждаются объектом и различаются между собой сообразно различию своих объективных возбудителей, а благодаря этому в комбинации превращаются в изображение объекта.

Как видим, пропасти между репрезентантом и образом нет, они переходят друг в друга. Непонимание этой диалектики, того или другого бока, и порождает презентационализм (1.1.14) или семиотизм.

2.2.11. Колейны

Теперь я должен описать ещё один фундаментальный нейрофизиологический механизм, лежащий в основе деятельности сознания, самой разной: памяти, узнавания, воображения, мышления и мн. др. Это – мое предположение в их объяснении (см. *Ибраев Л. И.*, 1985, №2388; *Браев Л.И.* Ворота философии. 2004, с.55-57); естественно, прежде он никем не описывался и не имеет имени. Я именую его колейнами.

Одновременное возбуждение в мозге какой-то структуры из нейронов, назовем, нейронного образа должно оставлять в синапсно-дендритных связях между этими нейронами, а, возможно, и в межнейронной среде, нейроглии, какие-то изменения. В чем конкретно состоят такие изменения, неизвестно, поскольку никто в нейрофизиологии их не предполагал и поэтому не исследовал.

Однако, судя по всему, эти изменения межнейронных связей образуют своего рода отпечаток, энграмму, особый образ, который заключается в облегчении способности проводить возбуждение по своим путям от нейрона к нейрону. По сходству назовем это остаточное изменение своего рода *колеей*. Ведь колея – вид следа, выдавленные в земле колесами канавки, которые следующему транспорту тоже облегчают движение по своему направлению, но препятствуют уходу в сторону.

Такую колею между нейронами обозначим скобками и знаком импликации →.

Очевидно, структура этих синапсно-дендритных колей между нейронами воспроизводит породившую её структуру возбужденных нейронов при прежних восприятиях, тем самым складывается в подсознательный колеяный образ. Я назову его для краткости *колеяном*. Возможные греческие или латинские неологизмы: троксикон (от τροχια - колея и εἶχον- образ, изображение) или соответственно орбитомаг (от orbita + imago), на мой вкус, звучат тяжело и как-то вычурно.

Работа мозга, видимо, происходит так: взаимодействие импульсного образа – ионного потока, идущего от афферентных нервов, и совпадающей части колеяна вызывает одновременную активацию нейронов в его остальной части, что и служит физиологической базой появления сенсорного образа – восприятия или представления. Вот причина, почему то, что мы видим, слышим, осязаем, - воспринимаемый (перцептивный) образ узнавания определяется подсознательными колеянами, сложившимися в прошлом опыте.

Разумеется, возбуждаться могут не только нейроны, входящие в колеян, но также и вне его. Иначе образование *новых* колеянов не было бы возможно, как это, по-видимому, и имеет место у низших животных с исключительно инстинктивным поведением.

В колейном механизме я вижу нейрофизиологическую основу работы психики и тем самым ключ к разрешению многих проблем познания, в частности, к объяснению особенностей и восприятия.

Текущее определение сознания оказывается двусторонним: одна его детерминирующая сторона есть внешний мир, но другая детерминирующая сторона сознания – внутренняя, импульсы от организма и *несознаваемая* колейная структура, служащая его содержательной основой, простирающейся под всем ним и направляющая его жизнь, при том не только при каких-то там неврозах, как толкует фрейдизм, но, как увидим дальше, постоянно, все его восприятие, воображение, мышление; за что я называю эту область психики *подсознанием*, предпочитая это слово традиционному термину “бессознательное” (Unbewusste, unconscious), больше подходящему для несознаваемых физиологических процессов и телодвижений.

2.2.12. Память

Начнем с памяти. Колейные образы подсознания – впечатления и есть наша память – способность частично «запечатлеть», сохранять и воспроизводить прошлые образы.

Конечно, тривиальное материалистическое понимание памяти как пассивного отражения вещей ущербно и дает его критикам основания для неприятия и иронии, как у позитивиста Дж. Уитроу, который язвил: выходит, «отпечаток ноги вспоминает ногу» (с.118). Колейная теория преодолевает такие плоские представления.

В образовании колейнов и заключается *запоминание*. Совокупность колейнов есть *память*, а активация нейронов колейна – *воспоминание*. Межнейронные колеи направляют бег возбуждения, так сказать, оживление, засвечивание этих остатков прошлого восприятия, возвращение нейронов в активную область сознания, бодрствования, что и является нам как воспоминание.

По-моему, именно различие между видами колейнов обуславливает такие важнейшие явления, которые я все отношу всего лишь к разным видам памяти: врожденные колейны и есть то, что известно под именем *рефлексов* (врожденных), а их системы – *инстинктов*, куда входят и эмоциональные механизмы психики. Колейные связи, приобретаемые в восприятии (собственном опыте) – это *ассоциации* (если

эти связи слабы), рефлексy (приобретенные, «условные»), если колейные связи более устойчивы, их разные комплексы, и, наконец, память человеческих *представлений и мыслей*.

Таким образом, в мозге нет врожденного знания, но есть частью врожденная информация, колейны, передаваемые по наследству и именуемые инстинктами.

Внутренний мир человека, его Я – это прежде всего его воспоминания, яркие и бледные, скудные и богатые, - стало быть, это активация его колейнов. Память похожа на великий подсознательный подвал психики, точно её огромный подводный айсберг, а сознание – только его надводная вершина, оживленная (активированная) часть колейнов. Причем эта сознаваемая область колейнов переменяется, точно айсберг переворачивается без конца, да ещё и деформируется, потому что всплыть могут одновременно разные элементы из разных концов айсберга.

Однако и подсознательные колейны – тоже образы, хотя и несознаваемые, подобно тому, как без специальной аппаратуры невидимы образы магнитофонных или лазерных записей в дисках.

2.2.13. Узнавание

При восприятии происходит не просто возбуждение извне, входящими импульсами, какой-то структуры из детекторных нейронов, базы сенсорного образа, но и его частичное совпадение с синапсодендритным колейном, иначе говоря, частичное наложение импульсного образа на колейн, а оно возбуждает также многое из его остальной области, оживляет прошлые впечатления. Эта активация частичным совпадением импульсного образа с колейном его остальной части и есть узнавание (2.1.6) предмета.

Таким образом (2.2.12), при восприятии узнавание является *воспоминанием* прошлого, но никаких несознаваемых умозаключений (2.1.6) для него не требуется. Узнавание происходит посредством просеивания, фильтрации, прохождения поступающей сенсорной информации сквозь колейны памяти, пока не случится наиболее полное совпадение с одним из них и его активация.

.....

2.2.15. Подсознательное обобщение

Узнавание вещей – «сличение» при восприятии получаемого образа с подобной вариантной структурой колейна – недвусмысленно свидетельствует, что *обобщение* – сохранение от многих впечатлений тождественного, типизация вещей, разделение по типам, категориям и установление их простейших законов, вроде «камни падают», «собаки лают» - существуют уже на уровне подсознания, в темноте памяти в форме колейнов.

Мы наблюдаем единичное, а видим общее, тип: «Это есть роза», «S есть P», то есть узнаем в нем известные нам законы обликов такого типа. Восприятию предстоит *единичное*, но через узнавание оно соединено с *общим*, отраженным в колейнах. У животных – только подсознательно, у человека – ещё и сознательно, разумно, в форме *осмысления* воспринимаемого. Глядеть – не значит видеть. Глядят глаза, видит – голова, ум. Увидеть – значит узнать в вещи идеи – осмыслить. Такая *обидеенность* вещей для восприятия и служит базой спиритуализма – воображения идей сущностью вещей.

Без понимания восприятие – ничто. Слушая речь на незнакомом языке, мы не понимаем её и потому словно не слышим. Тем более обобщением являются осветление колейна – *представление*, образ припоминания или комбинации припоминаний – *воображение* (Ибраев Л. И., ИНИОН, 1985, № 2388).

Сами вещи, каждая, конечно, уникальны, но их восприятие и представление, напротив, всегда опускают многие детали и содержат только общее, и в такой мере, что их подмену достаточно похожей вещью мы не замечаем. Сохранение инвариантного и важного и забывание неважных и не повторяющихся подробностей и оттенков – общее свойство памяти, закон образования колейнов. Разумеется, за пределами обобщения по сходству остаются взаимоисключающие различия видов и обликов, но здесь спасает поливариантность колейнов.

Вот почему в силу подсознательной колейной обобщенности восприятие и припоминание даже единичных вещей всегда обобщенны. Хотя, конечно, мы способны узнавать индивидуальность единичных вещей: пастух узнает каждую овцу в стаде, садовник – каждое дерево в саду, каждый человек – своих родных и знакомых, - но по их отдельным отличительным признакам, которые уже обобщенны.

.....

Фрагменты 6. Из 2.2.18. **Колеи любви и ненависти**

Разновидностью колейна, по-моему, является быстрое и сильное закрепление в памяти впечатлений от *критически необходимых* объектов, сопряженных с *инстинктом* (2.2.12), оттого окруженное сильнейшими *эмоциями*, – то, что психологам известно под именем *импринтинга* (от англ. imprinting – запечатление, отпечатывание).

Впервые это психическое явление привлекло внимание зоопсихологов в поведении детенышей животных, а именно запоминание ими образа того объекта, от которого они после рождения получили первую опеку, и в итоге установление у них привязанности к нему. Оно поразительно в тех случаях, когда объект является странным, даже нелепым. Цыплята могут привязаться к наседке, утке или кошке или даже к колесу велосипеда и всюду следовать за ним, точно за мамой. Также мгновенно и прочно происходит запечатление в памяти образов сородичей или врагов и других опасностей, образов пищи и родной местности.

Мне кажется, по крайней мере у некоторых животных, таких, например, как совы, лебеди или волки, существует ещё один вид импринтинга, назову его сексуальным, который однако, естественно, активизируется уже не при рождении, а у взрослого существа в период полового возбуждения и обеспечивает запоминание и привязанность сексуальных партнеров (чаще всего пар) друг к другу и совместное выращивание ими потомства. Думаю, такой *сексуальный импринтинг* присущ и людям.

Естественный отбор отмерил животным продолжительность содействия родительских пар в пестовании потомства, – понятно, соразмерную продолжительности его взросления, обычно это недели или месяцы, редко – год-два. У людей дети нуждаются в родительской опеке многолетней – и у наших обезьяньих предков естественный отбор должен был выработать какую-то связь, которая привязывала бы самца и мать друг к другу надолго. Видимо, ею стала сексуальная потребность не сезонная, а постоянная, как раз и характерная для приматов и соответственно в сотни и тысячи раз превосходящая уровень, необходимый для собственно воспроизводства.

Как я уже писал в другом месте (“*Необходимость и свобода*. Начала нецеситной социологии”, 1993, с.202), *долгий* сексуальный импринтинг и стал физиологической предпосылкой любви. Не оттого ли начало любви носит качество какого-то внезапного потрясающего впечатления и озарения каким-то непонятым неодолимым влечением друг к другу и укрепляется после половой близости? Эта эйфория страсти и адовы муки разлуки поддерживаются выработкой в мозге особых нейрогормонов, своего рода наркотиков, похожих на морфин, получивших имя *фермонов*, – сперва эндофина, а года через три, с переходом страсти в нежную привязанность – оцитоцина. Разумеется, в обществе на этот сексуальный импринтинг накладываются переживания и соображения утилитарные, эстетические, нравственные, моральные и в их сплаве возникает сама царица - **любовь**, ставшая основой семьи. Самые прочные узы Гименея – это любовь.

Как известно, в «брачные периоды» животные становятся яростно беспокойны и агрессивны. У людей этого как будто бы нет, но явна высокая интенсивность переживаний восхищения, страсти, томления, робости, нежности, восторга, ревности, тоски и т.д., сопровождающиеся даже значительным подавлением разума – “безумием любви”. Показательно, что уровень серодолита в организме при влюбленности и психозе одинаков. И в таком опьяненном полуиррациональном сексуально взволнованном состоянии человек проводит едва ли не большую часть жизни.

Сексуальная потребность выливается как в экстаз и подвиги влюбленных, так и мерзость бесчисленных извращений и злодеяний. О сокрушительном могуществе этого чувства говорит факт: в конце 20 века в России из приблизительно 60 тыс. ежегодных самоубийств около 40 тыс., то есть более 70%, вызывалось разочарованием и неразделенностью любви. Не располагаю статистикой, но предполагаю, что и в других странах картина похожая.

Мне кажется, именно механизм сексуального импринтинга определяет многие характерные особенности отношений полов.

Первое острое чувственное волнение люди переживают ещё в юности или даже в детстве и, естественно, от контакта, пусть невинного, с ровесниками, тоже юными, – и такой образ и фиксируется в их подсознании на всю жизнь. Не отсюда ли обычное влечение мужчин,

даже постаревших, к невинным молоденьким девушкам, большее, чем к зрелым женщинам - «вамп»? Впрочем, обычно и женское предпочтение молодых мужчин. Хотя при ином первом опыте бывает и противоположное влечение.

Если первый сексуальный опыт девушки был насильственным или неподготовленным и чрезмерно болезненным, он запечатлется и в её психике – и она проникается к сексу отвращением и ужасом и даже может стать фригидной. Аналогично юноша, чей первый опыт близости от чрезмерного возбуждения и волнения закончился преждевременной эрекцией, укрепляется в страхе неудачи и может стать импотентом.

Силой сексуального импринтинга и складывается потребность в *духовной* близости как необходимом предусловии близости физической: в восхищении, нежности, обожанием и т.д., – короче, любовь. Но такой потребности может и не сложиться, и тогда остается одна голая физиологическая похоть. Порнография как раз таким скотством и уродует души, по существу, совершая преступление перед человеком, примитивизируя его жизнь. А духовная бедность лишает несчастного богатого наслаждения также и от физической связи; вечная неудовлетворенность обрекает его на ненасытную погоню за всякими сексуальными изобретениями и приключениями, но тщетно, итог – опустошение.

Легкость первой связи – и вот постоянная связь с одним партнером оказывается скучна и образуется потребность в их постоянной смене; и до того, что без нее нападает раздражительность, неврозы и депрессии. Такие неумные сексоголики бывают среди как мужчин – “донжуаны”, так и женщин – нимфоманки.

В механизме сексуального импринтинга я вижу также сопричину *сексуальных отклонений*, возникающих в условиях установленных в обществе неразумных и чрезмерных половых разделений и запретов.

Сексуальная потребность пробуждается у людей лет в 15-16, а то и раньше, притом в форме самой острой юношеской гиперсексуальности, а в брак они вступают в 20-25, а то и позже. Что же делается целых 10 лет? Долгие годы и в условиях, когда в обществе на секс ставится клеймо чего-то грязного, позорного и запретного, а сближение полов искусственно затруднено? В таких условиях решающий первый

опыт сексуальной разрядки часто оказывается случайным и ненормальным, но этот-то неестественный объект-суррогат и закрепляется импринтингом в объект будущих сексуальных вожделений, делая человека в нормальных отношениях сексуальным неудачником, порождая половую *девиацию*. Так, когда в условиях насильственного раздельного проживания полов в закрытых учебных заведениях, в армии, тюрьмах и т.п., нарастающее половое напряжение разряжается с представителями своего же пола – и вот вам однополое тяготение с равнодушием, импотенцией, а то и отвращением к лицам противоположного пола, *гомосексуалы* и лесбиянки.

Но эти навязанные социальными условиями «благоприобретенные» половые искажения современная сексопатология склонна полагать “генетически” [?] обусловленными, будто бы “врожденными” [?], не имея этому никаких доказательств, – полагать единственно потому, что не знает феномену иного объяснения. А в некоторых странах общественное мнение уже созрело настолько, что даже принимаются законы, освящающие однополые браки как “естественные” для предполагаемых половых “мутантов”.

Конечно, каких только причуд в генных комбинациях не случается. Не исключена и смесь женского и мужского организмов. Но **образы**-то по наследству **не** передаются. “Врожденный образ” – вместо импринтинга – это для генетики и психологии нечто чудесное. Если объекты сексуального вожделения создаются импринтингом, то причём же врожденность половой девиации?

Когда чувственное любопытство юноши, подавленное всякими препонами, в коварном случае находит удовлетворение с подвернувшимся обнаженным женским трупом – и вот импринтинг создает некрофила и сладострастного расчленителя трупов. Или и это “врожденная” генетическая мания? Когда вырываясь из гнета социальных табу, страха и стыда, половая разрядка впервые достигается насилем, которое к тому же, скорее всего, сопровождается мучением жертвы, а то и её испуганным убийством, – и вот возник половой маньяк – потрошитель и садист, которому только чужая агония способна принести оргазм и облегчение, а в обычном положении с женщиной – позорный импотент. Психиатрия удивляется: во всех прочих отношениях в жизни мучитель вроде бы вполне вменяем, но приступы тяги к сладостра-

стному садизму сильнее его – и здесь он ничего с собой не может поделать. И в бессилии понять это извращение психология полагает его тоже “унаследованным” (От кого?), будто это что-то объясняет. Наоборот, у мазохиста условием сладострастия становится собственное унижение и боль, но, полагаю, тоже в силу импринтинга и проклятого случая.

Пресловутый “Эдипов комплекс”, якобы какой-то генетический и универсальный, является бездоказательной объяснительной фантазией З. Фрейда, хотя описываемые в его терминах отдельные психиатрические случаи полового влечения детей к родителям представляются фактом и являются, должно быть, разновидностью извращенного сексуального импринтинга, и в силу общественного осуждения скрываются невротиками даже от себя, подавляются и вытесняются в подсознание. Да и прочие «*комплексы*» *фрейдизма*: комплекс преследования, вины, неполноценности и т.д. – тоже иное имя невротизма и, похоже, создаются тоже импринтингом, хотя, разумеется, уже не сексуальным, а связанным с иными жизненно важными инстинктами и в сочетании с внутренними расстройствами, но о них дальше.

Мы смеемся, когда цыплята бегают за уткой, к которой подложили их яйца, или за колесом, видим в своем жестоком эксперименте искусственное извращение их детенышеского импринтинга. В природе подобные злые шутки вытворяет разве что кукушка. Но не понимаем, что с Чикотило произошло тоже самое – извращение сексуального импринтинга, а считаем его каким-то “врожденным” уродом и не придумываем ничего лучше, как устроить над несчастным злодеем публичное судилище-шоу и казнить, в лучшем случае принудительно кастрировать.

У животных импринтинг в дальнейшем, как правило, не поддается изменению, “необратим”. Возможно ли излечение сексуальных импринтинговых извращений психотерапией? Не знаю. Ответить может только опыт. Но понимать, что же произошло, и пробовать исправить страшную импринтинговую ошибку, очевидно, надо. И уж, конечно, нужно позаботиться об устранении в обществе превратных условий, которые приводят к таким импринтинговым извращениям. Понимание делает возможной *профилактику*; предотвратить болезнь легче, чем вылечить. И не шутить с первым разом. Как бы вместо курочки не

привязаться к утке. Первый раз может стать судьбой – на всю жизнь, прекрасную или несчастную.

Должно быть, подобным же импринтинговым образом в совместном времяпрепровождении: развлечениях и делах, – чаще всего смолу возникает также и чувство *дружбы*: та же внутренняя нежность, взаимная потребность в общении и страдание без него, та же верность и забота друг о друге.

Впрочем, видимо, и противоположность любви – некоторые невротические *фобии* являются аномалиями обычного *импринтинга на опасность*, представляя бесконечным или чрезмерным, но неодолимым страхом перед некоторой обстановкой: страх высоты (акрофобия), открытых пространств (агрофобия), закрытого пространства (клаустрофобия), воды (аквофобия), публичных выступлений (социофобия) и т.д. Должно быть, похоже образуются болезненные противоразумные влечения – *мании*, вроде тяги к воровству, клептомании. Хотя уже без жесткой связи с каким-либо инстинктом. Ребенок заворочен видом и близостью какой-то привлекательной вещи и, если в нем недостаточно развит самоконтроль – вследствие изъянов воспитания или олигофрении, пусть в слабой степени, – он неожиданно для самого себя, как в гипнозе, хватается ее; удовольствие от обладания ценностью закрепляется в сознании – и он уже не в силах преодолеть себя, кражи повторяются и учащаются, пока вор не попадает за решетку. Захват привлекательного может принять форму и нападений – ограблений с избиениями, а то и убийствами.

Мне думается, на психологическом механизме импринтинга основаны и другие **виды любви**, несексуальной: такие, как любовь матери к новорожденному, жителей – к своему дому, к своей деревне или городу – и шире – к родине и своему народу, его родному языку, культуре, обычаям и характеру, – *патриотизм* или любовь к людям своего круга, своей профессии, класса, вообще – к своей социальной среде. Они-то и питают ностальгию, этническую, классовую и прочую страстную солидарность и, с другой стороны, непонимание и отчужденность к другим культурам, – этно - и вообще *стратоцентризм*.

Импринтинговый механизм этих видов любви отлично объясняет их странности. Мы любим родину, тоскуем без нее вовсе не потому, что это она – лучшая в мире. Наоборот, наша страна для нас лучшая в мире,

потому что она *наша* страна, в ней началась и прошла наша жизнь, хотя бы жизнь в ней была сурова и тяжела, но даже горький “дым отечества нам сладок и приятен”, – эффект “шильонского узника”.

И в этих видах любви тоже возможны аналогичные импринтинговые извращения. Таково, по-моему, происхождение комплекса равнодушной жесткости. Давно замечено, что у детей, недополучивших родительской любви и ласки, не складывается психический комплекс любви к себе и окружающим и – соответственно – желания быть ими любимым – и они вырастают холодно расчетливыми и легко становятся даже холодными убийцами - рецидивистами.

Страсти *общественных конфликтов* тоже могут закрепляться импринтингом и переходить во всякие мании и фобии. Так, когда завоевания, экономические связи и другие внешние условия смешивают народы чуждой культуры, их взаимное непонимание и отстраненность могут перерасти во взаимную неприязнь. Навязывание чужого языка и искусства вызывает к ним враждебность, в случае опасений за родную культуру, особенно при экономических трудностях и углублении общего недовольства, патриотизм превращается в *ксенофобию*, национализм и расизм, доходящие до терроризма, войны и геноцида.

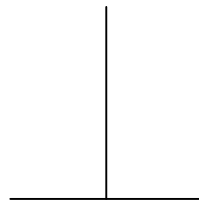
.....

.....

Фрагменты 7. Из 2.3.4. **Иллюзии**

Иллюзией часто именуют любое заблуждение, результат внешнего обмана, но обычно это слово употребляется в смысле ложного восприятия, кажимости (1.1.2, 2.1.7).

Иллюзии – совсем не редкость. Весло, наполовину погруженное в воду, видится сломанным. Вертикальная линия, поднимающаяся из середины горизонтальной, кажется длиннее её, хотя обе одинаковы. (Рис. 1)

Мы отлично знаем, что это не так, но тем не менее видим, что Луна меньше облака или соседнего дома. Кто не замечал: если бежать или ехать в автомобиле или поезде мимо полосы деревьев, то кажется, что Луна над ними мчится вместе с нами в ту же сторону.

Психологам приходится нелегко, чтобы объяснить подобные дикувины восприятия. В обычном мнении иллюзии – обман чувств.

Г. Гельмгольц взглянул глубже, предположив, что причина иллюзий заключается в приложении к необычным условиям того же механизма восприятия, который обеспечивает истинное восприятие в обычных условиях.

Однако в чем этот механизм восприятия?

Для Гельмгольца это были некие таинственные “умозаключения узнавания”. Таким образом, получается, как в свое время для Эпикура, что обманывают не чувства, а разум; иллюзии возникают в интерпретации сенсорного образа.

Однако такому «бессознательному умозаключению» опознаваемый образ должен уже предшествовать.

М. Вертгеймер и В. Келер предположили объяснение иллюзий в действии на восприятие внутренних гештальтов психики, но сами гештальты остались таинственными (2.1.4).

Из колейной теории сознания следует: причина иллюзий восприятия заключается в запечатлении колейном не только самого объекта, но также в слабейшей, но определенной мере его привычного типичного фона, а благодаря этому в его распространении на похожие, но в действительности иные условия. Это и приводит к противоречию между восприятием и действительностью – иллюзии.

Так, весло, наполовину погруженное в воду, кажется сломанным, потому что колейн восприятия пространства в *одной* прозрачной среде распространяется сразу на *две* среды, воздух и воду, где угол преломления света разный. Необычное воспринимается как похожее обычное (2.3.3).

Колейны восприятия предметов включают в себя поправки на их перспективное уменьшение с отдалением; поэтому вертикальная линия (на рис. 1) соотносится невольнo с половинками горизонтальной и кажется длиннее её, хотя на плоскости перспективы нет. Поэтому же предметы, нарисованные ближе к пересечению двух прямых, кажутся больше.

Луна кажется меньше облака или дома, потому что колейны видимого уменьшения предметов в перспективе сложились в наших земных условиях передвижения, а космические расстояния и размеры –

вне земной практики – и наши колейны не способны сделать такую поправку.

Кажется, что Луна мчится над лесом в ту же сторону, что и мы, потому что светило настолько огромно и настолько далеко, что угол зрения на него (параллакс) сколько-нибудь заметно от нашего движения не меняется, но у земных и соизмеримых с нами предметов такое бывает, только если они перемещаются параллельно с нами.

2.3.5. Почему процесс узнавания бессознателен

Запечатление колейного образа в качестве остаточных межнейронных изменений объясняет несознаваемость процесса узнавания: мы сознаем только его результат – образы узанных объектов, но не то, как это произошло, потому что пока возбуждение по колейну не распространилось, он по определению остается явлением нейрофизиологии, но не сознания.

Подсознательность наложения импульсного и колейного образов делает излишним таинственные «бессознательные умозаключения» (2.1.6) сличающего “гомункулуса”.

2.3.6. Избирательность восприятия и установка

Внутри головы именно колейны обуславливают, какие нейроны могут быть возбуждены внешними импульсами; иначе говоря, колейны действуют подобно их фильтрам, создают избирательность (селективность) восприятия: восприятие определяется, с одной стороны, нашими предзнаниями и идеалами, которые ведь и существуют в подсознании как раз в форме колейнов, а, с другой стороны, сенсорными воздействиями от проблемной ситуации, в которой находится человек, но точнее – её пониманием и выведенными из него интересами, влияющими в целях, задачах и ожиданиях – внимании, – тем, что психологи после К. Марбе объединяют под именем «установки». Внимание – такая особенность сознания как его направленность, сосредоточение (концентрация разной степени) на какую-то вещь или собственную деятельность, имение их объектом: внимательно играть, вести машину, читать, думать, – в отличие от рассеянности, не замечания.

Человек не только видит, но и смотрит, не только слышит, но и слушает, не только осязает, но и ощупывает. Эта-та разумная и ценно-

стная селекция восприятия решает, куда человек будет смотреть, что заметит, а что не заметит, и за что примет замеченное. До Возрождения художники не изображали дальние предметы меньшими, чем ближние, потому что люди не понимали, а оттого и не замечали умом перспективы. До импрессионистов художники рисовали все тени просто темными; но после Э. Мане и О. Ренуара люди поняли и увидели, что тени цветные в зависимости от цвета предмета, который отражает в тень свет. В общем уличном шуме шофер слышит скрип тормозов, мать – плач ребенка, девушка – разговор молодой компании, продавец – вопрос покупателя, но у каждого остальные звуки, которые слышат другие, проходят мимо их сознания. Неизменное, неважное, неожиданное в перцептивном образе обычно исключается из восприятия.

Колейны действуют подобно ситу, пропускающему тельца одной конфигурации и размера, но задерживающему иные, или подобно селектору, который реагирует исключительно на соответствующие ему импульсы, или подобно резонатору, который откликается лишь на созвучия.

Но если кейны – это подсознание нашей памяти, то установка существует уже в сознании; установка – это активация определенных кейнов соответствующими внешними или внутренними впечатлениями, создающая направленность сознания на какую-то деятельность, как психическую – внимание на восприятие, представление или мышление, – так и практическую – готовность к физическому усилию, смеху, гору, пению и т. д.

.....

***Фрагменты 8.* Из 3.2.5. Алогизм мысли**

.....

Возьму на себя смелость утверждать: с одной стороны, логика воплощена в нашем мышлении, но, с другой стороны, поток мышления ей не подчиняется.

В свое время (не соглашаясь с распространенным мнением (3.2.4)), Л. Леви-Брюль удивил белый свет своим “открытием”: “первобытный человек” не мыслит логически, отождествляет то, что мы разделяем, не избегает противоречий и торопится с обобщениями (с.48-49, 257-261). Однако дело в том, что исследователь мог бы ули-

чить в этом грехе и современного человека. И сегодня никто логически не мыслит.

Законами формальной логики появление новых небывалых догадок и гипотез не объясняется. Откуда они? Тут явный момент какого-то внешнего вмешательства, случайности и хаоса в развитии науки, так что К. Поппер получил основание предлагать исключить их из сферы самого научного анализа развития науки.

В современной науке существуют теории с противоречиями, такие как “отрицательные вероятности” или теория множеств Кантора, недоказанные положения, как релятивистский запрет сверхъестественной скорости взаимодействия, а у других доказательства оказались ошибочными, фигурируют гипотетические объекты (фридманы, виртуальные частицы, кварки, глюоны, тахионы и т.д., и т.п.).

Даже в математике, которая больше всех кичится своей совершеннейшей логической строгостью, существуют антиномии (самореференции, самоприменимости), нерешенные проблемы (Гольдбаха, Картанова, континуум-гипотеза Кантора), принимаются недоказанные положения, как когда-то великая теорема Ферма, и даже совершенно алогичные определения, например, непредикативные или отрицательные, как классическое определение параллельных прямых: лежат в одной плоскости и никогда не пересекаются, хотя на недоступные проверке отрицательные определения налагает табу любой учебник логики. Неудивительно, что оно позволяет всякие неевклидовы построения.

Почему же эти недоказанные и алогичные идеи возникли и были приняты в науке? И как они были открыты?

.....

Фрагменты 9. Из 4.1.26. **Что такое необходимость?**

Необходимость (лат. *necessitas*) – это такие объективные отношения людей с миром, которые в силу естественных причинных законов (физических, химических, биологических, психологических и т. д.) являются *условиями* нашего существования и развития, почему без них или подобных им их заменителей человек и его системы впадают в застой, деградацию и в итоге погибают.

Закон необходимости: человек *свободен* следовать необходимости или погибнуть. Отсутствующая часть необходимого репрезентируется нам *потребностью*, а ее субъективное переживание называют *нуждой*.

В сознании потребность выражается как побуждение к действию: влечение, желание, мотив, интерес и т.д. Но необходимость отлична

от потребности, потому что по определению объективна и не может быть *ложной*, тогда как потребности бывают и ложными, как у наркомана или фанатика - утописта.

4.1.27. **Важность и оценка**

Необходимость предстает тем, что философы именуют *ценностью*. Правда, это слово, по-моему, не очень-то подходит; при такой терминологии в категорию ценностей попадает и зло, так сказать, негативная ценность. Хотя язык сопротивляется такому антагонистическому словоупотреблению. Точнее другое имя – *важность*.

Важное – это действительность, имеющая отношение к необходимости. А важность бывает отрицательной и положительной. Противоречие, *разлад* действительности и необходимости – это *зло*, “отрицательное” важное. В практике таковы затруднения, препятствия, неудачи, горе, гибель. Соответствие, *лад* между действительностью и необходимостью – это *благо*, “положительное” важное. Действительность, никак не относящаяся к необходимости, является *безразличной*, неважной, нейтральной.

Важность – это проекция нашей необходимости на мир, которая и разграничивает свет и тени нашего видения – **оценки** вещей.

.....

4.1.31. **Важность – смысл практики**

Господи, сколько в людских философствованиях мучительных исканий и мудрствований о смысле нашей жизни, – иначе тоскливо суетной!

Как видим, именно важность дает смысл практике. Именно давлением необходимости порождается добро и зло, а наши силы направляются на устранение зла и достижение блага.

Вот отчего практика больше, чем деятельность. Даже у людей к ней относятся вовсе не все движения и действия. Практика – это деятельность, направляемая необходимостью, знанием и духовными представителями необходимости – оценками и идеалами – целями, иначе говоря, деятельность *оцениваемая* и *целесообразная*, использующая средства и заключающаяся в преобразовании мира (4.1.17).

Как видим, не что иное, как необходимость исполняет нашу жизнь, – как практику, так и познание одухотворением, **экзистенциальным смыслом**, *драмой* и *энтузиазмом*, делает не просто мертвенно физическим процессом обмена веществ и “отражением”, какой она предстает в упрощенном вульгарном материализме (4.1.25), а

именно практикой и познанием, борьбой добра и зла, *человеческой историей* потерь и обретений.

Здесь открывается настолько важный аспект познания, что ему требуется посвятить особый раздел гносеологии, следующий у нас дальше (см. ч. II) под именем *аксиологии познания* (или, если угодно, *аксиогносеологии*).

.....

Фрагменты 10. Из 4.2.19. **Бытийная детерминация знания**

... Этот же закон жизнедеятельного определения управляющего изображения (\equiv психики) действует и у людей: уровень знаний каждого общества соответствует потребностям и техническим возможностям его практики, в особенности производства; да и у каждого индивида знания должны удовлетворять его практические потребности, потому что по закону необходимости (4.1.26) в случае недостаточности знаний и общество, и отдельные люди обречены на страдание, деградацию, а то и вовсе гибель. Если же люди как-то живы, значит, знают достаточно для такой жизни, как у них. По Сеньке и шапка.

Подтверждением этого глобального закона служит практически любое историческое состояние человеческих знаний и практики. В частности, множество таких корреляций отмечено нами ранее, например, в анализе практических предусловий колейнов понимания и недоразумений (3.3.30, 3.3.34, 3.4.3) и еще больше их и еще удивительнее нам предстоит обнаружить далее.

.....

4.2.20. Бытийные пределы знания

Если знание дается нам практикой (4.2.17-18), то, стало быть, оно должно заключаться внутри исторических и стратовых границ практики людей – каждого поколения, каждой цивилизации, формации и общественной страты. Если мы видим в цветных пятнах свое прежнее взаимодействие с вещами, то содержание восприятия, что именно мы видим, меняется вместе с опытом. А вслед за увиденным должно меняться и то, что мы можем думать. Здесь разгадка субъективности и историчности восприятия (2.1.7, 2.2.16, 2.3.1).

Вот почему в разные времена люди видят по-разному. Тысячелетиями человечество видело небесные светила огоньками или глазами, находящимися на твердой сфере и совсем рядом с собой, сложило об этом грандиозные мифы и теоретические системы и казнило тех, кто дерзал их увидеть иначе.

Но даже в одну эпоху люди разных мест и способа жизнедеятельности видят различно – в той мере, в какой различается их опыт. Муж, жена, дети живут в одном доме, но для каждого из них этот дом разный, как различны в нём их положения, дела и потребности.

4.2.21. Бытийные предосновы понимания

Мы уже останавливались на тонкой мысли Лейбница и Канта (1.2.12, 3.5.28): для того, чтобы увидеть прямую линию или причину какого-то события, надо предварительно иметь понятие о прямой и причине. Это, действительно, так. Но отсюда принудительно следует априорность понятий пространства, времени, количества, причины и т.п. категорий, - основной тезис рационализма.

Рассуждение, кажется, могучее, но некорректное. Начать с того, что в нем не разграничены два аспекта восприятия: допонятийный и понятийный, зреть и видеть – с уразумением зримого. Ворона, опускающаяся на прямую жердочку, надо полагать, ее видит, но она так же опустилась бы и на кривую жердь, то есть она видит прямое, но, конечно, не как прямое. Какое-нибудь некомпетентный зритель может отчетливо наблюдать перестановку фигур на шахматной доске или появления на бумаге рядов каких-то крючков, например, математических знаков, но не видеть их смысла. Но это же не значит, что не понимающие не видят эти объекты. Просто в восприятии есть много ступеней и сторон осмысления.

В смысле осмысления видимого Кант прав: чтоб увидеть – уразуметь пространство, причину, количество и т.п., необходимо прежде иметь понятие о них. Но прежде их надо воспринимать неосмысленно, как младенцы или животные (3,4,6), а еще раньше – взаимодействовать с ними в практике. В собственных движениях люди встречают препятствия и возможности, осознают различие тел и пустот, их пространственных форм, кривого и прямого, потом определенные сочетания светотеней начинают их предупреждать, предвещать прямое и кривое взаимодействие, они “видят” его и, наконец, находят для них слово. Аналогично в собственных взаимодействиях с вещами люди натываются на устойчивость в следовании за своим действием какого-то изменения, начинают замечать эти особые следования, используют их для достижения в практике желанного, потом находят для них слово и образуют понятие причины (4.2.9-10).

Аргумент априорности разума, не преодолимый в рамках отношения между ощущением и мыслью, преодолевается в их отношении к действию. Актуальные формы восприятия и мышления генетиче-

ски первоначально являются формами практики. Человек только потому и чувством, и разумом находит в вещах пространство, время, количество и причины, что сам движется и действует в пространстве, времени, количестве и причинах (4.2.2, 4.2.9).

Ради размыкания герменевтического круга (3.3.29) М. Хайдеггер пришел к проникновенному наблюдению: всякому нашему осознанию, пониманию или объяснению и обоснованию предшествует предпонимание, наша погруженность в сознание, понимаемость или ясность и основанность, - то, из чего мы исходим в этих духовных актах, хотя, что это такое, у Хайдеггера остается таинственным. В моих глазах заслуживает также всяческого одобрения его утверждение, что наше предпонимание есть то, что мы есть, наше бытие. К этому прекрасному философствованию мне остается добавить недостающее ему: наше предпонимающее бытие есть не хайдеггеровский “горизонт временности” экзистенции (сие не выводит нас из субъективности) и не гадамеровская историческая традиция (1988, с. 518 - 519), а история нашего необходимого практического взаимодействия с миром. Понимание основывается на собственном бытии человека, доступных ему взаимодействиях с миром.

4.2.22. Закон самоподобности понимания

Из практической предосновы понимания (4.2.20) следует закон его автоморфности (самоподобления): объяснительными образцами нам служат запечатленные в подсознании колейны **НАШИХ** собственных **взаимодействий** с миром. У парадигмы понимания взаимодействия вещей друг с другом есть прообраз в практике – тип нашего собственного взаимодействия с вещами.

Закон автоморфности понимания дает объяснение истоков разных типов мировоззрения и их сообразия разным **технологическим типам бытия**.

В частности, в нем я усматриваю происхождение таких фундаментальных для науки, но оставленных неопределенными и беспричинными явлений, как “стиль мышления” М. Борна (античный; “классический” - ньютоновский, “современный”), “парадигмы” Т. Куна (с. 69-74), “научно-исследовательские программы” И. Лакатоса (1978, с. 220, 223), “научные традиции” С. Тулмина и П. Фейерабенда.

Однако не только в теории, но и в собственной жизни люди склонны судить о других **по себе**: коварный человек и всех других подозревает в притворстве; добродушный воображает всех окру-

жающих доброжелательными к себе; умный предрасположен преувеличивать интеллектуальные силы других, а глупый считает себя хитрецом, способным обмануть окружающих дураков.

Из этого закона понимания, мы увидим далее, вытекают и многие другие важные следствия.

4.2.23. Бытийные истоки рационализма

.....

Но почему для рационализма единственно несомненным является его мышление? Почему к нему сводится все прочее: вещи, познание, бог, пространство, время и все категории? Почему для него не предстают такими несомненными вещи? Или их восприятие? На чем зиждется его уверенность? А ни на чем, просто по внутренней интуиции. Все его доказательства опираются на недоказываемое, но в чем его интимно уверило его бытие – погруженного в раздумья отшельника – и чего он даже не замечает.

4.2.24. Бытийные истоки эмпиризма

Напротив, для эмпиризма от Бэкона до Карнапа единственно несомненным являются опытные факты, “чувственные данные” (1.2.4, 1.3.3). Но на чем зиждется их вера, что данное в чувствах очевидно, а все запытные объекты или идеи разума не достойны такого доверия, но, наоборот, весьма сомнительны? А ни на чем. И их доказательства опираются на недоказанное. Начала эмпиризма зиждутся ни на чем, кроме внутренней убежденности, которую воспитало в них тоже их бытие – созерцающего испытателя природы – и которую они поэтому считают излишним обосновывать.

.....

4.2.26. Подсознание здравого смысла, интуиции и менталитета

Да, колейны бессознательны, но вовсе не антонимы сознания и не априорны. Они – итог прошлой сознательной жизни. Сознание и подсознание перетекают друг в друга. Подсознание создается прошлым сознанием, но само направляет будущее сознание, - имманентно, *изнутри*, во взаимодействии с продуцированием сознания *извне*, объектами (3.3.10).

Подсознательные колейны нашей памяти и служат тем, что имеют в виду, когда говорят о неявном (имплицитном) обыденном знании, личном опыте (4.1.19) и здравом смысле, *common sense*, что А. Шюц именовал “повседневным мышлением”, а М.Полани – “личностным знанием” (3.3.11).

Это накопленное в подвалах памяти несознаваемое образное знание не может черпаться из чужих слов и книг, а вырабатывается во взаимодействиях собственной жизненной практики (4.2.9, 4.2.11) и потому сообразно личному бытию (4.2.18).

Доречевое знание часто недоступно нашему словесному описанию, но исключительно важно. Именно оно обеспечивает нашу способность ходить, работать, рисовать – все наши навыки, умения и манеры. Именно наш подсознательный миробраз питает наше воображение и служит базой опознания вещей в восприятии (2.2.13, 18), базой нашего понимания слов (3.3.30, 3.3.34), книг, теорий, почвой нашей интуиции (3.5.21, 3.5.27), всякого соображения (3.5.6) и мышления (3.5.18), - всей эвристики, он является тем, чья власть направляет наши мысли и решает, что нам кажется очевидным и верным, а что непонятным и сомнительным или абсурдным. За такое могущество этот миробраз и величают мировоззрением, складом ума, менталитетом. И менталитет – это наше подсознание.

Но как ни державен наш миробраз, он вовсе не какой-то божественный подарок потустороннего разума, платоновский анамнезис или лейбницевакая предустановленная гармония (1.2.2). Здравый смысл и интуиция любого человека вырастают в его собственном жизненном опыте и потому отнюдь не абсолютны. Если действительность, о которой человек судит, соответствует его опыту, интуиция ему помогает, но если действительность в разладе с его опытом, интуиция только вводит его в заблуждение. Интуиция тоже истинна или ложна.

Бытийное порождение миробраза и создает закон уподобления миропонимания человека его собственным взаимодействиям (4.2.21).

И даже проклиная “здравый смысл”, мы мыслим все же из здравого смысла, а разногласия вызываются просто тем, что личная практика и соответственно миробраз мыслителя могут быть как в согласии, так и в противоречии со “здравым смыслом” окружающих, что и обуславливает такой, кажется, разброд в отношении к нему, когда сенсуалисты Аристофан, Лукиан, Рабле, Стерн, Дж. Мур высмеивают философию с позиции здравого смысла; рационалисты - спиритуалисты Парменид, Платон, Плотин, Спиноза, Лейбниц, Гегель, наоборот, упорствуют в развитии философии вопреки здравому смыслу, а скептики Карнеад, Пирр, Юм, Кант, Франк, Карнап измучены неверием ни в здравый смысл, ни в философию.

Вот почему потаенные глубины нашего миробраза служат базой мастерства в ремесле, врачевании, искусстве, профессии, быте и всей практике (4.4.23, 7.3.13), питают художественное творчество, рели-

гию и всю идеологию и служат той незамечаемой почвой, из которой вырастают научные теории и философия.

Между прочем, Ж. Деррида в своих “деконструкциях” классика философии нечаянно угадывает их “чувственные впечатления” как раз из личного бытийного “опыта”, лежащие в основе их философствования, хотя не видит здесь их твердь и рассыпается в иронии банального релятивизма.

Исследование этого феномена откроет нам еще немало поразительного, смешного и печального.

.....

4.4.2. Закон развития понимаемых парадигм

Частным случаем практикового развития знания является сформулированный ранее (4.2.22) основной закон познавательных идей – порождаемая колейной селекцией сознания автоморфность миропонимания: объяснительными парадигмами – образцами человеку служат запечатленные практикой в **подсознания колейны** его *собственных взаимодействий* с миром; поэтому людям *понятно* только то, с чем они практически взаимодействуют, а понимание прочего – только *уподобления* практически известному.

Поэтому и *миропонимание* людей развивается и ограничивается сообразно развитию их практики, прежде всего технологии производства (в широком смысле, включая быт и культуру).

.....

4.4.4. Откуда мифологическое сознание?

В своем исследовании античной мифологии А.Ф. Лосев мучился истинно философским удивлением: «Почему вдруг понадобилось человеку привлекать для объяснения природы и общества столь странные методы? Ведь всякое объяснение есть сведение непонятого на понятное. Но почему же стало вдруг понятно, что Солнце есть бык, а Луна – корова? Или что гром и молния – орудия в руках Зевса и Юпитера?» (С. 8-9).

Сам Лосев не находит успокоительного ответа. Мой ответ – в законе самоуподобленности понимания (4.4.2): людям понятно подобное тому, что делается ими самими. А миф есть мировоззрение людей, живущих исключительно своими физическими усилиями. Архаические охотники, пастухи и крестьяне владеют только *собственными* руками да быками, лошадьми и луками, стрелами, топорами и другими *ручными* орудиями. Вот почему все вокруг: шум дерева, дождь, молнию, ветер, болезни, поведение зверей, движение Солнца, звезд и всех важных им вещей – они могут объяснить только воображаемым

населением их невидимыми *человекоподобными* существами – *духами*. Здесь причина одухотворения – очеловечивания вещей, стадии *анамизма*. За каждым деревом, холмом, ручьем для них таится свой *genius loci*; всюду – наяды, фавны, сирены, янусы, и обитатели Олимпа – только наиболее сильные среди них. Так и для русских крестьян даже в начале 20-го века всюду мерещились лешие, русалки, водяные, домовые, велосы, оборотни и другие боги и бесы, а Перун, Ярило, Дажь-бог были только самыми важными из них . . .

... Антропоморфные фантазии являются гипотезами мифистов. А что им еще остается? Отвергнуть эти пусть сомнительные, но ясные и родные догадки и оставить все вовсе без объяснений? Но непонимание невыносимо для разумного существа и совершенно невозможно, когда ситуация требует от него что-то делать. Действие всегда исходит из какого-то понимания. Антропоморфность миропонимания является необходимостью на стадии *мифологического* сознания.

4.4.5. Практиковая почва материализма

Новое миропонимание пришло с новым производством.

Античные торгово-ремесленные полисы выросли на гончарном, кузнечном, слесарном деле, строительстве крепостей, амфитеатров, гаваней, кораблей, колесниц, катапульт с широким применением рычагов, воротов, весов, тяжелых жерновов, рычажных прессов, блоков, калиспастов, винтов в самых различных сочетаниях.

Однако античное механическое производство было подавлено рабством – и с 16 в. его далеко превзошло европейское: двигательное водяное колесо дополнилось ветряным, а потом и паровым, зубчатая передача – канатной и ременной, появились лебедки, краны, насосы и вершина изобретательства – механические часы. Новая техника нашла повсеместное применение: в мельницах, маслоделии, виноделии, пивоварении, на стройках дворцов, мостов, каналов, шлюзов, водопроводов, в арсеналах, верфях, в рудниках на откачке воды, подъеме и дроблении руды, дутье воздуха в домнах и ковке, в станках – ткацких, прокатных, плющильных, волочильных, сверлильных, шлифовальных, лесопильных, в мануфактурах и мастерских – ковровых, деревообделочных, кирпичных, кожевенных, мыловаренных, стекольных, металлических, оружейных, ювелирных и т.д., на транспорте и всевозможных промыслах.

Любое ремесло, собственное творение вещей людьми служит прообразом креативной парадигмы понимания природных вещей и понятия материала миротворения – материи. Сперва эта парадигма

превратила Верховного Духа в мастера, демиурга, подобие гончара, кузнеца, ваятеля, зодчего мира, придающего форму его материалу, глине, строительной древесине (ύλη), материи, это исходный космологический образ древней и новой философии от Фалеса, Платона и Аристотеля до Декарта и Спинозы.

Но механизмы, где детали способны единообразно двигаться сами, без участия человека, освободили мысль от обязательности духа - миродвигателя, стали прообразом понятия *самодвижения* природы, «естественного», то есть по единообразным законам и бездушным причинам, породили атомизм Демокрита – Ньютона, где вообще нет исчезновения и возникновения, а есть лишь сложение и разложение частиц.

Если мифы всюду: в ветре, замерзании и нагревании, звуке и магните – угадывают происки духов, то атеизм всюду прозревает явное или скрытое движение и формы атомов. Религия видит в молнии огненные стрелы Зевса, Юпитера или Перуна, а материалист Лукреций – огонь от столкновения туч, подобный искрам от удара камней. А разве не похоже?

Но сверх таких практических прообразов, основой материализма является еще ряд обстоятельств, экзистенциальных, о которых, однако, будет уместней поговорить позже.

4.4.6. Механицизм

Первой исторической формой антимифизма стал механицизм. По тому же закону автоморфности понимания.

С распространением в обществе механизмов и машин и мир стал видеться гигантским неодушевленным механизмом и машиной, возникает сознание теоретическое и экспериментальное – научное.

Распад мифологического мировоззрения, расколдование природы означает ее омеханичивание и размежевание природного и человеческого, впрочем, чисто механистическая редукция распространяется и на сознание, «естественное» – значит нечеловеческое, бездуховное. Даже метафизические «сущности» – при всей их пустоте переименований, возбуждавший столько насмешек у Галилея, Мольера, Гегеля, Конта, - все же лишены духовности, в этом их продвинутость . . .

.

4.4.19. Дно и предел понимания

Рассмотренные нами вехи человеческих мировоззрений, пожалуй, позволяют сделать вывод: наша практика очерчивает нам горизонт понимания; человек видит в мире только аналогию, подобное тому,

что он в силах сделать сам. Всплывающие из нашего подсознания представления о постоянствах и формах мира, полученные в нашей практике, и образуют *парадигмы* понимания. Философствование о мироздании является продумыванием этих колеинов, заданных нашим бытием. . . Открытые бытием подсознательные колеины сознания есть **дно** понимания, глубже которого оно погрузиться не в состоянии.

.

Фрагменты 11. Из **V. Сквозь идеал.**

5.1.1. Что такое мифоид?

Сверх знания в наших головах всегда присутствует то странное, поныне малопонятное мировоззрение (4.4.28), которое можно назвать мифом в широком смысле этого слова, точнее, мифоподобием, или *мифоидом*. Коварство мифоида в том, что для нас самих он предстает тоже знанием, да еще таким, в истинности которого мы убеждены, больше того, ради него миллионы людей могут жертвовать и собой, и миллионами других людей, но спустя время он вдруг оказывается неверным. Однако и заблуждением его нельзя назвать, потому что его никак даже и не пытались проверить на истинность, – ни сверкой с фактами, ни логикой – и не требовали никаких доказательств. Больше того, знали основательные возражения против него, но просто ими пренебрегали.

Почему? Что это такое?

В узком смысле миф – это священные повести архаических народов о творении мира и подвигах богов, и о приключениях всевозможных добрых и злых духов, населяющих мир. И миф был общечеловеческим умосостоянием. Сами эмпирические науки Древнего Востока: египетская, вавилонская, индийская, китайская, – существовали в мифологической форме: огромная масса практических знаний в математике, астрономии, механике, химии – позволяла строить храмы, дворцы, каналы, предсказывать погоду и затмения, но место теории в них занимал миф. Это было немислимое ныне соединение мифа и преднауки (1.4.1, 21).

Однако вся эта великолепная и ужасная космогония духов, повергавшая в трепет архаическое сознание, ныне стала сказками, годными для развлечения малолетних детишек. Но когда пала вера в древние мифы, возникло его новое, расширенное значение, которое я и отличаю словом *мифоид*.

Сегодня увядает гордое самомнение просветителей и позитивистов, снисходительно относивших мифологию к достоянию исключи-

тельно старобытных народов, и холодно проявляется, что и мы тоже не свободны от подобных же строений воображения. Мифемы бытуют в понимании природы, психики, общества и самых различных областей, и они наукообразны, так же сплетены с современными научными понятиями. Таковы массовые поверия веры в визиты инопланетян, неопознанные летающие тарелки, в полтергейст (Poltergeist) – современный вариант домовых и всякой нечисти, в экстрасенсов – современный вариант колдунов и т.п. Мифоиды живут и в философии, как классической, от Платона до Гегеля, с их спекулятивными сущностями и мировыми разумами, так и в современной: вера в те же абсолютные факты или абсолютные истины, реальные общие понятия или мировые личности и цели. Социальные мифы о всяких избранных мессианских учениях и религиях, избранных народах или классах, партиях и диктатурах и сегодня обуревают миллионы людей и в соответствии с духом времени они почитают их самой что ни на есть научной наукой. Но и в науке мифоидов не меньше, притом как в прежней науке: астрология, алхимия, теория теплорода, флогистона, механического эфира, так и в современной, хотя бы те же абсурды релятивистской физики.

Таким образом, и сегодня мифоидное сознание царит в головах большинства людей, причем, как водится, не считается ими никаким мифом, стало быть, является мифом *живым*.

5.1.2. Откуда приходят мифы?

Откуда же и как возникают мифы? Что они такое? Почему люди вручают им свою жизнь? Такое удивительное мировидение невозможно объяснить ни чувственным восприятием, ни логикой мышления. Хотя усилий его разгадывать всегда было много.

Какие же известны объяснения мифа?

.....

Из 5.2.5. Происхождение идеала и нравственности

Практическая идея и воля к ее претворению порождаются не одним внешним миром при пассивности субъекта и не одним субъектом по его произволу, а практическим взаимным отношением человека и мира, его *необходимостью* и *действительностью* и мерой познания и понимания как необходимости, так и действительности, ее законов и имеющихся в ней возможностей (4.1.27) . . .

Практические идеи порождаются разладом действительности и необходимости, то есть злом. Практическая идея есть образ желанного

блага, которое реально не существует, но вызывается она образом зла, от которого человек реально страдает. Необходимость – такая царица, которая не говорит своих повелений, а только карает за их неисполнение; страдание – это ее немой эмиссар, посланный заставить изобрести её образ в наших мечтах, идеалах, мыслях, замыслах, планах – подбичами неудовлетворенности и жажды избавления от помех, принуждения, забот, тревог, злобы. . .

Нахождение практической идеи само необходимо человеку как предусловие разрешения практических проблем, тем самым выживания и развития.

Но необходимость нельзя просто увидеть, потому что это не вещь, а отношения с вещами, к тому же, может быть, даже *отсутствующими*. Поэтому нахождение идеала, цели или построение плана – это труд. В отсутствие необходимого человек томится и мучается чем-то непонятным; но, что ему необходимо, – это само еще необходимо понять. И, увы, нередко бывает, люди даже погибают, так и не поняв, что же им было необходимо, чтобы не погибнуть.

А из оценки и идеала мира возникает такое мощное явление человеческого сознания, как **нравственность** – в сущности, просто **идеал и самооценка**, оценка себя, потому что, оценивая весь мир, человек не в силах исключить из оценки и идеала так же и самого себя.

Оценка себя по идеалам – своим и окружающих людей – и есть **стыд, гордость** и **совесть**, чистая или мучительная – “грязная”, почему она заставляет людей даже жертвовать своей корыстью, а то и жизнью. Это та отличающая человека **самоотверженность**, которая удивительна и необъяснима для **утилитаризма** и заставляет нас признавать и отвергать утилитарную этику как ложную, то есть вовсе не нравственность, а аморальность.

Притом в её обеих версиях: 1) как *вульгарного материализма*, вывод “морали” всего лишь из пользы – выгоды и опасности – страха, личной или классовой и вообще стратовой. Так, как в рассуждениях обыденного позитивизма обывателей вроде Смердякова, или “подпольных” “бесов” Достоевского, или “подонков” Горького или в “учениях” Нечаева – Ленина. И, казалось бы, в совсем противоположной 2) версии – *вульгарного религиозного утилитаризма* – вывод морали тоже из пользы – выгоды и опасности – страха, только что “потусторонней”, ради воздаяния от Бога – божьих наград или кар, удач или

несчастий, рая или ада. Именно для *такого* сознания: если нет Бога, то всё дозволено, а жизнь бесцельна и бессмысленна¹.

Но рассуждения утилитарной этики в обеих версиях существуют как раз потому, что в жизни существуют утилитарные люди, чуждые истинной нравственности, способной на бескорыстие и даже противокорыстие самоотверженности. Что делать, всё ещё далеко не все люди поднимаются в своем развитии до чувства и понимании совести и т.п. А руководствуются не совестью, а всего лишь одним *расчетом*.

Впрочем, и прекрасные люди, живущие по совести, многие ли из этих земных ангелов, умеют теоретически понимать, что их дивная **этика вырастает из эстетики**, из идеалов и оценок, живущих в их душе? Вот в каком смысле красота спасает мир. *Уже спасает*, а не в каком-то будущем.

.....

... 5.3.3. Колейные прокрусты

Другими объективными определителями разных вариантов мирознания служат различия известных человеку из практики взаимодействий, которые отражаются в глубинах его подсознания, как *колейны* парадигм *узнавания* и *понимания* вещей (3.5.26, 4.2.26, 4.4.2), а также порожденные бытийным же положением *колейны идеалов* (4.1.29, 5.2.5). Когда новые вещи отличны от понимаемых и идеаловых парадигм, сложившихся в прежнем бытии, возникает заблуждение, внеэмпирическое и внелогическое. Таким образом, объективное условие заблуждений дополняется субъективным, **подсознательным**, хотя в конечном счете порожденным тоже объективно; причем этим искажителем познания является то же, что обеспечивает само познание: и восприятие, и соображение, и мышление. Искажитель познания – те же *колейны* наших предпониманий и идеалов, их закон *избирательности* и *дополнительности* (2.2.11–13, 2.2.16, 2.3.2, 2.3.6, 3.3.30): *колейны* пропускают в сознание те внешние импульсы, которые им соответствуют, и отсеивают те, которые отсутствуют в *колейне*, хотя бы они были в объекте, но, с другой стороны, дополняют образ теми чертами, которые есть в *колейне*, хотя бы их не было в объекте. Мы видим предвидимое.

Именно здесь причина находящей на сознание особой слепоты, духовной *слепоты*, незамечания того, что существует реально, но отсутствует в *колейнах*, и, наоборот, *призрачности*, доведения и домыс-

¹ Подробнее см. *Ибраев Л.И.* Сквозь лики мира. Анализ философских оснований мистицизма. Изд. “Стринг”, 2010, с. 176-211, § 5.7 – 5.13.

ливания того, что не дано ощущению или даже не существует в реалиях, но присутствует в колейнах.

Внеэстетически этот закон давно замечен художниками. Изворовавшиеся уездные чиновники, трепещущие в вечном страхе разоблачения и пораженные известием о предстоящем приезде столичного ревизора, видят в случайно залетевшем в городок бедном франте и хвастуне то, что отвечает их ожиданиям: умопомрачительное богатство, чины и связи, изысканные манеры, ученость и остроумие, но немислимо слепы к, казалось бы, бьющим в глаза несообразностям: голодному виду Хлестакова, убогому гостиничному номеру, испугу перед неожиданным визитом местных властей, жалкому некормленному слуге, крохоборству, косноязычию и глупости. И если б эта история была всего лишь гиперболическим художественным вымыслом Гоголя, а не реалистичным изображением общей закономерности селективности и дополнительности человеческого восприятия и мышления.

.....

В этом своем свойстве избирательности и дополнительности колейны весьма похожи на гостеприимного разбойника древнегреческих мифов Прокруста, который, чтобы уложить на свое знаменитое ложе пойманных им путников, отрубал у несчастных лишнее, если они на ложе не умещались, и вытягивал их до стандарта, если они были короче ложа. Похожий разбойник, шая, гостеприимничает в нашей голове. За отсутствием другого термина почтим же его славным именем этот закон сознания, – **прокрустация**.

5.3.4. **Необходимая мера прокрустации**

Однако когнитивный Прокруст не столь свиреп, как легендарный злодей; более того, в некоторых границах он необходим.

Прокрустов эффект не приводит к заблуждениям, если колейны достаточно подобны объекту, как не страдают те счастливые путники, которые соразмерны прокрустову ложу. Наоборот, *тогда* колейны обеспечивают узнавание и понимание и обостряют глаз и ум, позволяя по двум – трем еле различимым признакам верно узнавать и угадывать. Но различие колейна и объекта искажает восприятие и мышление, так сказать, прокрустирует; *колейны* превращаются в *прокрусты*.

Мера подобия колейна и объекта определяется необходимостью такого подобия для практики. Если какое-то различие колейна и объекта *неважно* для практики, оно и не замечается при восприятии и мышлении – и тогда все, что различается только в этих границах, воспринимается и мыслится как тождественное, устанавливается соответ-

ствующая селекция и дополнение сознания, происходит **идентификация**. Если бы мы замечали *все* различия между объектами – до мельчайших – мы ничего не узнавали бы как то же самое и, таким образом, не могли бы обобщать. Прокрустная избирательность восприятия и мышления необходимы.

Но когда практика меняется так, что эти прежде безразличные различия становятся для нее важными и больно ушибают, глаза открываются, мы внезапно прозреваем, бывшее незамечание осознается как заблуждение, подлежащее разоблачению и насмешкам.

5.3.5. Предварение

В *установке* мировосприятия (2.3.6) *колейны* проявляются как заранее, еще до начала видения, чтения или мышления существующее мнение – предмнение, включая предварительное понимание – предпонимание, иначе говоря, как определяющее наши ожидания предположение, – короче, *предварение* (антиципация) (3.5.10–11, 23–26).

Собираясь видеть, слушать, читать, думать, невозможно отбросить свое собственное мнение о предмете восприятия и мышления и тем более его предварение. Самое большее, на что при этом способен человек, – это готовность выслушать чужое мнение и изменить собственное; но и эта "непредвзятость" обусловливается предварительной неудовлетворенностью собственным мнением и сомнением, то есть тоже предварением, хотя и особого вида, самокритичного.

Предварение очень разнообразно – во всех отношениях. Оно может быть неприязненным и осуждающим – "отрицательным", – это *предубеждение*, и приязненным и одобряющим, – "положительным", с испытыванием удовольствия еще до начала восприятия, – это *предвкушение*; может быть *ложным*, противоречащим реальности, – *предвзятость*, и *истинным* – *предвидение*, в частности, *предусмотрение*, если относится к ненаступившим обстоятельствам, и *предвосхищение*, если относится к событиям; обычно оно индивидуально, но бывает и массовым – *легенда* или *миф* в метафорическом смысле, – мифоид (1.4.1). Массовое и ложное предварение – это и есть *предрассудок*.

Истинные *колейны* и их активации в установках помогают познанию, а ложные *колейны* и установки препятствуют познанию действительности, порождают искажения и иллюзии восприятия (2.3.4), ошибки мышления и неадекватные действия. Ложные *колейны* склоняют не замечать непредваряемое или его переистолковывать и даже видеть собственными глазами то, чего нет.

.....

Из 5.4.8. Идеализация любимого

... Идеаловые прокрусты сознания распространяются не только на себя; они всеобщи. Люди склонны идеализировать своих любимых, своих детей, свою профессию, свою партию, свою родину – все дорогое им и очернять все им враждебное.

Наваждение идеализации – первое отличие влюбленных. Плохое в любимом исчезает или преобразуется в хорошее – и девушка не хочет и слушать родителей, умоляющих ее не связываться с каким-то ужасным мужчиной; но так же теряют разум и очарованные мужчины, словно слепые к несовершенствам своих богинь. По народному наблюдению, любовь зла.

Если ребенок дурен, нет никого на свете, кто бы знал его хуже, чем мать. Чадо может быть садистом и убийцей, чьи злодеяния видели тысячи – и мир от чудовища отвернулся; но мать скажет, что все это – клевета на ее бедного сыночка, лучшего в мире человека, самого нежного и доброго. И не позавидуешь тому, кто вздумает ее переубедить: она скорее сойдет с ума, чем признает правду. Так уж устроены любящие матери – и, должно быть, в этом есть какая-то высшая необходимость, посторонним непонятная. Но именно по этой причине разные народы с древности не доверяли воспитание детей исключительно матери – слепому поводырю. Нянченье и заботу – да, но воспитание передается теткам, дядьям, отцам.

Аналогично прокрустация помрачает сознание политические идеалы.

Но идеаловая прокрустация поражает сознание не только отдельных политиков, но и многомиллионные массы. Экзальтированные толпы поклонников восхищаются гениальной мудростью своих вождей, а другие толпы, их противников, так же искренне презирают в этих кумирах убожество и грязь.

"Огромные голубые глаза – как звезды. Какая острота ума! А ирония, юмор, сарказм, глубина, страсть, ярость!" О ком бы, вы думали, это сказано? Эти слова – о Гитлере, их записал в своем дневнике философ-искусствовед Геббельс, первоначально враждебный ему, после первой услышанной его речи, потрясенный ею. В 1931 году в Германии, униженной и ограбленной испуганным и жадным Версальским торжеством победителей, а затем еще экономическим кризисом, за фюрера голосовали миллионы, вдвое больше, чем за любую другую партию, видели в нем гения, спасителя страны, потом – величайшего

полководца, а о концлагерях не хотели и слушать. А в англоязычной, французской и советской печати и кино Гитлер – комическая бездарность и злодей, бесноватый истерик, возможно, параноик.

А разве не та же полярность царит в оценках Ленина и Сталина?

А как сильны бывают чары идеализированного образа своей родины, своего народа, его языка и культуры. И характерно: едва ли не любая романтическая концепция относит к национальному исключительно то, что отвечает ее идеалу, а неприятные факты, как бы они ни были велики, отвергает. Так, современные славянофилы даже в захвате власти большевиками в 1917 г. усматривают не факт истории России, а некое чудо, беспричинное и внешнее к ее подлинной жизни, заговор чуждых инородных элементов.

Когда разум касается человеческих взаимоотношений, тогда вмешиваются силы посторонние "чистому разуму"; и не только в лице полиции и цензуры; вопрос познания превращается в вопрос оценки, фактуальные и правовые суждения – в аксиологические.

.....

Из 5.4.9. Идеализация идеального

... Столь же могущественно очарование общественных идеалов. Люди, которые довольны в общем и целом способом жизни своей страны, патриотически ее приукрашивают. Наоборот, среди диссидентов развивается идеализация какой-то другой страны, олицетворяющей их идеалы. Так, французские и русские либералы 18–19 вв. грезили такой прекрасной старую добрую Англию, чтящую свободы и традиции, но предпочитали не знать о пролетаризации ее рабочих. Наши славянофилы часто учились и жили на Западе, как Ф.И.Тютчев или К.Н.Леонтьев, но боготворили неведомую им старую Русь; зато западники часто никогда не бывали на Западе, как А.С.Пушкин или В.Г.Белинский, и конструировали его образ по принципу противоположения всему негативному в России, и, попав туда, переживали страшное разочарование, как было с А.И.Герценом. Впрочем, такое же крушение идеалов терпели и славянофилы, когда выходили из барской усадьбы и ближе знакомились с российской глубинкой.

В послевоенной разрушенной и голодной Европе для миллионов прекрасным светом идеала засиял образ процветающей Америки, а для левой западной интеллигенции, недовольной буржуазным миром, светочем стал образ СССР, "отечества рабочих и крестьян". Такие американцы, как супруги Розенберги или И.Берг, восхищались коммунистическим строем и его родиной не потому, что знали жизнь там,

а авансом, потому что с кризиса 1929 г. были разочарованы в жизни в США.

И, как положено, на идеалопоклонников находит обычное ослепление, заставляющее видеть то, что не существует, но по идеалам должно быть, и не верить в факты, которые есть, но которые против их идеалов. Левая интеллигенция всего мира, мечтающая об избавлении от противоречий капитализма, десятилетиями восхищалась величием и счастьем страны "реального социализма", но с возмущением отвергала все страшные свидетельства ее бюрократизма, бедности, террора и лжи. В кровавом диктаторе Сталине Анри Барбюс видел человека "в простой солдатской шинели с лицом рабочего и умом ученого".

Еще в середине 1940-х гг. перебежчик В.А.Кравченко ошеломил миллионы западных читателей его книги "Я выбрал свободу" разоблачениями кошмаров сталинизма. И что же, вы думаете, мир содрогнулся и отвернулся от коммунистической диктатуры? Нет, западные коммунисты и им сочувствующие, конечно, не поверили, объявив его книгу гнусной клеветой. На парижском судебном процессе 1949 г. они отказывались верить даже свидетельствам выступавших там сотен советских крестьян, рабочих и служащих, заброшенных войной в Западную Европу. Их жуткие показания о коллективизации, голоде, трупях на улицах, общей запуганности, арестах, концлагерях Л. Арагон, Р.Гароди и другие идеологи из "Юманите" встречали нервным хихиканьем и хохотом, поносили свидетелей пособниками проклятого капитализма, а кумир левой молодежи Ж.П.Сартр заявил: "Ради социализма и ад для народа полезен".

Идеализация распространяется на прошлое, будущее и даже потустороннее. Мечты о блаженной жизни неизбежны всегда и всюду, где есть страдания.

А страдания растут для старости. Не оттого ли все седые убеждены, что раньше, когда они были молоды, все было лучше? И разве же они не правы? Конечно, молодым быть лучше. А помнить горькое горько – и оно тает в забвении, в итоге "что пройдет, то станет мило".

– Да, а наши отцы и деды рассказывали, что в их время было еще лучше.

Так и складываются грезы "доброго старого времени" и миф о золотом веке, когда-то в первобытную пору. Археологи раскопали: наши предки ходили в звериных шкурах, спали вповалку в землянках с костром посередине, неизлечимо болели, часто стойбище голодало до

всеобщего мора; но, поди ж ты, – золотой век. А все напасти начисто забыты.

Недовольство настоящим, когда в нем не видно улучшения, проецирует идеалы на прошлое, рождая легенды о потерянном рае, Атлантиде, Земле обетованной, аркадиях, "добрых дикарях" и т. д. Кто только их не лелеял? Библия, Платон, Лао-Цзы, Овидий, Вергилий, Сенека, Коран, Данте, Мильтон, Руссо. В таком прекрасном сиянии грезилась Античность для людей Ренессанса, Средневековье – для французских и немецких романтиков или русских славянофилов; таким светлым вспоминается советское прошлое для его коммунистических поклонников . . .

Во времена Тьюрго, Кондорсе, Лессинга, Конта и других просветителей, Фихте, Сен-Симона, Маркса и других социалистов и коммунистов осознание в истории прогресса заставило перенести идеальное общество в будущее, хотя его образы-идеалы черпались из прошлого. Утопия – разновидность идеализации, проекция идеалов на будущее (5.2.15).

Наш век порождает новые великие социальные идеализации: национальный социализм, исламный фундаментализм или трактаты Р.Арона и Д.Белла о грядущем технотронном рае.

.

5.4.23. Идеалы в идеологии

Идеоловая сущность идеологии (5.1, 5.2, 5.4.1, 4.4.4) объясняет колейное довлениe над нею идеалов. Как уже говорилось, если наука старается избавиться от оценок (5.2.13), пусть безуспешно, то в идеологии ценностные идеи явны и доминируют, прокрустация особенно сильна, самокритичность слабеет, а логика и доказательства особенно обманчивы. Апология и легитимация своих интересов посредством идеализации и мнимо логических доводов образуют форму всей идеологии.

Законы понимаемых парадигм и идеалов порождают и защищают идеологемы в сознании каждого человека – как обывателя или политика, так и ученого. Проявления идеистической прокрустации известны и в специальных науках, прежде всего в логике, математике, экономике и социологии. Общественные науки – как раз таковы, где чаще всего становится страшно думать: такие грозные маячат впереди выводы, где, по библейской сентенции, во многoй мудрости много печали, ибо слишком много в обществе неприятного, существования чего мы не хотим и что поэтому хотим не видеть.

5.4.24. Диктат идеалов в науке

. . . Но узкий техницизм в разумении автоморфности знания – упрощение. Практика не сводится к материальному производству; есть взаимодействия и необходимости также быта, духовного производства и самой общественной жизни. Соответственно понимаемые парадигмы и идеалы создаются также всей общественной практикой . . .

В частности, также и естествознанием сверх понимаемых парадигм, правят еще и идеалы.

Далеко не все в теориях новой механистической физики 17 – 18 вв. было обусловлено возможностями и потребностями тогдашнего мануфактурного производства. Для горной, металлodelьной или текстильной промышленности того времени было безразлично, как устроена материя: из атомов или слитной субстанции. Даже ныне что мешает науке представить материю сплошной средой с особыми точками в ней, выделенными как центры различных взаимодействий? Теоретических препон нет. Вся современная физика и химия прекрасно укладываются в такую континуумную картину. Для устройства шахтных насосов было безразлично, отчего поднимается вода в цилиндре: от "боязни пустоты" или от разности давлений воздуха.

А почему победил Коперник? Может быть, вы думаете, силой фактов? Или неотразимых логических аргументов? Как бы не так. Он не увидел на небосклоне ни единого нового факта, исходил из картины того же неба, тех же блуждающих звезд – планет с их пляской около своих путей по эпициклам и деферентам, а его теория первоначально не давала никаких более точных предсказаний – до работ Т. Браге и И. Кеплера на рубеже 16–17 веков. Полагая орбиты планет не эллипсами, а кругами, она вынуждена была для объяснения их видимого движения допустить тоже довольно много малых кругов – эпициклов и эксцентриков – целых 34, хотя и меньше, чем у Птолемея, где их было 73.

Против новой астрономии свидетельствовали смущавшая Т. Браге необнаруженность тогда обратного кружения Земли, годового параллактического смещения звезд на небе, ежесуточный восход Солнца, Луны и звезд на востоке и заход на западе. Это западное обращение светил по небосводу еще можно было сравнительно просто преодолеть сознанием кинематической относительности движения, известной уже Буридану. Коперник использовал идею Филопона–Буридана об импульсе в объяснении сохранения планетой равномерного движения (с.204, 207). Но почему ее прямолинейное движение переходит в

круговое? (Или пусть, по Кеплеру, в эллиптическое?). Это противоречило теории импульсов и не имело никакого объяснения.

Но еще более непостижимым контрфактом являлось земное не проявление кружения Земли. На чем тогда держится Земля в пустоте? Если Земля вращается и мчится вперед, почему на ней не отстают назад, на запад, воздух, птицы, ядра и другие летящие тела? почему не поднимается встречный ветер? не отклоняются назад падающие камни? – таким было дружное торжествующее возражение аристотеликов. И несмотря на все усилия, Галилей не находил этому объяснения (с.223, 353–355). Именно эти проблемы еще в древности заставили Птолемея отвергнуть Аристарха (3.1.14) – и геоцентрическая система восторжествовала на тысячи лет.

Для ответа коперниканству не хватало понятий гравитации и инерции. Вместо них Галилей нашел только факт наблюдаемой неизменности совместных движений тел внутри движущегося корабля или экипажа (с.270–272, 347–348), – его знаменитый "принцип относительности", где явление инерции содержится только имплицитно. А о дистанционном взаимодействии – притяжении физика Аристотеля и разделявший ее Галилей даже не подозревали. Двигателем тела мыслилась среда, в частности воздух, поэтому движение в пустоте невозможным; планеты движимы "твердыми" небесными сферами, вес тел есть "естественное стремление" вниз.

Хотя Галилей экспериментально открыл изохронность качания маятника, следовательно, независимость скорости падения тел от их веса, также как установил зависимость конечной скорости падающих тел от их начальной высоты, следовательно, одинаковость ускорения свободного падения, тем не менее он так и не различил вес (m_g) – силу, движущую падающее тело, и массу (m_i) – силу его сопротивления ускорению. Как и для Аристотеля, вес для Галилея оставался не взаимодействием тел, а "естественным стремлением" вниз.

И вот пренебрегая такими сокрушительными противоречиями коперниканства земному опыту и такой тьмой неясностей, Галилей его защищал. Разве не достойно удивления упрямство старика?

Достаточно полное динамическое объяснение гелиоцентризм получил лишь в механике Ньютона, в законах инерции и гравитации. Однако ее силу основания подрывал скрытый круг: вырастая из земной практики, она все же сама опиралась на астрономию (4.4.28, 8.8.6), а прямого экспериментального подтверждения не имела. Лишь в 1798 г. Г.Кавендиш на крутильных весах показал гравитационное взаимодействие и измерил сравнительную плотность Земли. Но к тому

времени теория Ньютона стала уже общепризнанной, – не дожидаясь этого доказательства. Тем более к 1851 г., когда Ж.Фуко продемонстрировал суточное вращение Земли на примере сохранения направления качаний своего 67-метрового маятника. А, с другой стороны, сразу же было известно, что ньютоновой небесной механике противоречит немало "аномалий" в движении небесных светил, таких как смещение перигелия Меркурия, Венеры и Марса.

Но если не факты и не логика, то что же поднимало новую астрономию?

Столетиями коперникианский переворот мировосприятия как отвергался, так и принимался вовсе не по эмпирическим научным соображениям, а по велениям идеалов. Коперника отвергали из верности свидетельствам непосредственного наблюдения, здравого смысла, религиозным и моральным воззрениям и ласкавшему консервативное сердце аристотелевскому иерархическому космосу.

.....

Представьте, сколь уютен и прост был мир Птолемея: и Солнце, и звезды, – все небесные светила обращаются по сферам вокруг Земли людей – центра Вселенной; там,верху, над сферами, – бог и рай, а внизу, под земной твердью, – черти и ад. А Коперник? Дерзкий отступник превращает человеческий мир в кружащийся вокруг Солнца шарик, подобный таким же другим планетам. Человек перестает быть осью вселенной, самым важным в ней. А где теперь поместить рай? Дж. Мильтон так и не справился с этой задачей. Как изгнанные из рая Адам и Ева шли на Землю? – через безвоздушный космос, что ли? А что там таится в бесконечности? Как же перевернуть в голове весь мир? Из-за каких-то там астрономических расчетов, столь тонких и сложных, что были тогда доступны немногим, но и для них сомнительными, и поднимали тему неразрешимых проблем? И восприятие, и церковные догмы – все говорило против. И на этой зыбкой основе отречься от всех ценностей? Объявить очевидное иллюзией?

Но мировоззрение нового человека перестали удовлетворять физика и астрономия перипатетиков и схоластов с их вечной иерархией космоса, богоизбранным центром Земли, целями у всех вещей, тем самым одушевлением природы и исключением исключительности человека, его разума, свободы и активности, наоборот, подразумевающих обреченность человека мировой иерархии. Зато атомистический образ материи, разделенной на изолированные частицы, вполне соответствовал атомизации рыночного общества на свободных индивидов – собственников с их частной жизнью и чисто торговыми связями.

Н. Коперник установил равенство планет перед Солнцем, через полвека Дж. Бруно – равенство самого Солнца перед звездами, лишив мир центра – и это отвечало тогдашней реформаторской борьбе за равенство всех людей против феодальной иерархии. Образ физически однородного бесконечного пространства ("гомогенного изотропного") лишал оснований аристократические понятия "естественных мест" и насильственных движений.

Коперникианство восторжествовало благодаря не столько его теоретическим и фактическим аргументам, сколько его возвышенному воззрению на бесконечную вселенную, освящавшему невиданное свободомыслие, культ разума и опыта. Космос Коперника – Ньютона принимали в очаровании его свободы от старозаветной замкнутости и иерархичности мира, разверзшейся в нем бездне, открытости взаимодействиям и обратимым процессам, в гармонии с ощущением индивидуальной свободы. Механистическая картина безличного знания и однозначной детерминации отвечала тогдашнему жесткому индивидуализму, его пренебрежению к чужим судьбам и уважению только материального благополучия, страха и силы, дерзости бунта ранних буржуазных революций и Реформации. В ней сквозит фаустовское и гамлетовское презрение к традиционным сантиментам и разрыву добра и зла, гордое убеждение: природа мертва, пассивна, детерминирована, а человек разумен, активен и не опекаем небесным отцом, но сам должен определять добро и зло. В трактатах по механике и новой астрономии буржуазия читала манифест против деспотизма и схоластики церковного и светского феодализма.

.....

Тем более систематизатор и обоснователь новой науки – Ньютон, такой, казалось бы, холодно математический теоретик, не избежал пристрастной встречи современников. Объяснение неба законами, найденными в мастерских на Земле, объединило механику с астрономией и превратило из прикладного знания в царицу наук, диктующую мировоззрение, но тем самым обрекло его на восхищение одних и неприязнь других. Вольтера веселил спор французских картезианцев и английских ньютонианцев: в Париже все в мире производится "давлением", в Лондоне – "тягой", но и то, и другое, – находит остроумец, – "непонятно". Среди противников ньютоновской гравидинамики были П. Бойль, Х.Гюйгенс, Г.В.Лейбниц, И.Бернулли. Чем объяснить такой консерватизм великих умов, кроме прокрустовой власти менталитета?

Та же история повторилась при явлении народу дарвинизма. Бушевавшие вокруг него страсти возбуждали вовсе не его теоретические

тонкости, большинству полемистов непонятные, да и неизвестные, а потрясение им религиозных и общественных догм (5.2.13). И то сказать, если, как получается по новой биологии, все живое на Земле от микробов и растений до высших животных и даже – о, ужас! – человека развилось само собой, путем борьбы за существование и естественного отбора, то где же божественное творение мира? Если люди произошли от обезьян, то чем же аристократ родовитее рабочего? Выходит, все люди – дальняя родня и равны. Разве это не возмутительно?

.....

В свою очередь лоренцевы преобразования допускают самые различные, даже противоположные физические интерпретации – как абсолютистскую Лоренца, так и релятивистскую Эйнштейна, – и обе до сих пор отчасти соответствуют экспериментальным данным, обе имеют ту же экспериментальную базу и математические уравнения, хотя обе не справляются с объяснением множества фактов, обе неверны. Их различие лежит исключительно в их философских основаниях, понимании движения, пространства и времени, и предпочтение релятивистской физике было отдано публикой исключительно из философских симпатий, как это было сразу же очевидно Э.Кассиреру (1922, с.37), а именно было обусловлено ренессансом в обществе философского релятивизма, когда в крови и огне первой мировой войны была распята вера в самоценность и свободу личности и в непоколебимую одноистинную науку. И власть релятивистских парадигм и идеалов была над Эйнштейном так сильна, что он следовал им в своих теоретических построениях, игнорируя все несообразности ("парадоксы"), к которым они вели, и в конце концов увяз в тщетных усилиях устранить противоречие им инерции и гравитации (5.3.11) (см.: *Ибраев Л.И.*, 1991, 2009).

Аналогично копенгагенское понимание квантовой механики было порождено не теоретическими потребностями в разрешении каких-то внутренних противоречий физики, а распространением в обществе умонастроений беспричинности, случайности и иллюзорности мира. Их возбудителями, по-моему, послужили социальные кризисы периода капиталистической индустриализации, переживаемые Европой с середины 19 в. Сомнения в жесткой лапласовской детерминации и стохастические представления доминируют уже в эволюционном дарвинизме, молекулярно-кинетической статистической физике и генетике. В философии их развивали С.Кьеркегор, Э. Битроу, Э.Мах, Ч.Пирс, У. Джеймс, Б.Рассел, Г.Рейхенбах. Непонятные катаклизмы истории, потрясавшие 20 в., усиливали этот индетерминизм. Как показывают

историко-культурные исследования (см.: *Forman P.*, 1971), такой экзистенциалистский пессимизм царил в интеллектуальных кругах Веймарской Германии 1918–27 гг. после поражения в мировой войне и разочарования в буржуазных ценностях.

.....

Верность иным парадигмам подвигла А.Эйнштейна, Л.де Бройля, С.И. Вавилова, Д.И.Блохинцева, В.А.Фока, К.Поппера, Л.Яноши и других физиков и эпистемологов на непримиримую критику копенгагенского обскурантизма. Но и у обоих этих квантово-теоретических антиподов экспериментальная база и математическая форма одна, хотя есть вкусовые предпочтения: копенгагенцами – матриц, их оппонентами – дифференциальных уравнений, и это, разумеется, не случайно.

И здесь, мы обнаруживаем, наукой правит могущество познавательных парадигм и идеалов, скрытых в подсознании самих исследователей.

.....

Фрагменты 12. Из 5.5. Социогносеология

.....

5.5.2. Социальные корни фанатизма

Ранее (5.4.13-150 мы говорили о познавательных и психологических причинах фанатизма. Теперь перейдём – к социальным. Да, есть и социальные.

Объективной причиной одержимости идеей является острота разлада между действительностью и необходимостью. Потому что напряжение желаний пропорционально напряжению разладов бытия. Так же как источник догматичности довольных заключается, наоборот, в паразитизме и привилегиях, загораживающих от них социальные коллизии. В обоих случаях пленник идеи – пленник обстоятельств своего бытия.

В русской литературе и революции обнаружилась такая ярость всепоглощающей любви и ненависти, какой, по старым предрассудкам, никак не положено было ожидать от северного народа, "живущего под бледным небом, где умирать не жаль". В большевистских комиссарах, махновских мстителях, белогвардейских карателей поражают неистовство и крайность чувств, максимализм и фанатизм идеалов, несгибаемость воли и жестокость. Но ведь подобная страстность бывала в России и прежде: самоотверженность солдат и крестьян в защите родины на войне, самосожжения раскольников, жертвенность народников – террористов. Если горе – так тоска бездонная, веселье – так лихое, пир – так горой, счастье – так всемирное, смелость – так

забубенная, очертя голову, бунт – так "бесмысленный и беспощадный", кара – так ужасная, свобода – так анархия, и – вообще – или пан, или пропал. Эта седая "загадка русской души" звучит и в ее музыке, то тоскливой, то раздольно веселой, то грозной, то нежной. И только в этой бесшабашной и метушейся духовной среде россиянин мог чувствовать себя дома, – и проклиная ее, и нежась в ней:

Знать у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Однако откуда это метание?

.....

5.5.9. Социальная регуляция идеологии и культуры

Другой незримый, но могучий общественный страж менталитета создают связывающие людей *продуктные отношения* – движение между ними продукции, важное для их личного потребления, такие, как давание, получение, торговля, дарение, плата и т. д., иначе говоря, это необходимость, действующая через наши **зависимости** друг от друга. *Зависимость* есть объективное отношение живого с источником благ, без которых оно не может существовать (4.1.26).

Именно зависимости связывают людей в социации: семьи, всякого рода коллективы и организации, – и порождают в них *общественную регуляцию*: мораль, администрирование, государство, экономику.

Зависимость людей от общей нивы или общей опасности, когда благо людей *совпадает*, создает ещё их *взаимную* зависимость друг от друга, а взаимная зависимость преобразует *нравственность* (5.2.5) в **мораль**, – первый *общественный* регулятор².

Как она возникает и осуществляется?

При взаимной зависимости на неудовлетворение своих интересов сообществу достаточно ответить зависимому отвержением его интересов. Вот почему в таких условиях их существенно *одинаковые личные* идеалы превращаются в *общественные нормы*; одинаковые *личные* оценки чужих действий превращаются в *общественный суд* и *общественное мнение*, а одинаковые *личные* реакции на чужие поступки складываются в *общественные* воздаяния (*санкции*): от *сим-*

² Подробнее см. **Браев Л. И.** Необходимость и свобода. **Начала нецеситной социологии.** Изд. «Салика», 2013. Разд. II.3.5, III.1.4,6, IV.2.1-3. **Браев Л. И.** Сквозь лики мира. Анализ философских оснований мистицизма. Изд. «Стринг», 2010. Разд. 5.5.10.

волического проявления оценки – одобрения или осуждения: приветливость, похвалы, обещания или, наоборот, хмурость, ирония, отказ в общении и престиже и т. п. и до **материального поощрения** или наказания: помощь, защита, награды или, наоборот, лишение заботы, престижа, ущемление благосостояния (5.5.5) – до бойкота (*остракизма*) и изгнания, а нарушитель санкций, тот, кто пробует контактировать с изгоем, сам подвергается санкциям.

Зависимость бывает даже сильнее корысти в посторонней награде. Сдельная оплата не побуждает рабочих к напряжению, если в бригаде сложилось негласное согласие о некоторой норме, а усердных выскочек презирают и выживают.

Общественные санкции являются важными для каждого члена социации как раз в силу его зависимости от окружающих. Санкции означают открытие или сжатие питающей человека пуповины, а потому возможны только там, где такая пуповина есть. А на независимых людей санкции не действуют. Бюргер, добропорядочный в своём городе, приехав в другой город, где его никто не знает, вдруг пускается во все тяжкие грехи. Юноша может быть примерным учеником в школе, но в тёмной подворотне становится дерзким хулиганом.

Конечно, в отличие от права мораль охраняет себя не силой, но, как видим, вопреки распространённому мнению мораль – регулятор вовсе не только духовный, правящий одним рациональным и эмоциональным воздействием, как это делает внутренняя нравственность – совесть, царствующая даже тогда, когда никто не узнает о наших поступках. Мораль правит еще посредством отвержения и признания, и они оказываются средством принуждения, когда за ними стоит связанность людей общей необходимостью.

А с распадом сообщества – утратой зависимости между его членами – люди теряют и чувство объективных основ морали, приходя к недоуменной дерзости цинизма. Так разорение рабством, "деклассирование" античных крестьян и ремесленников, заполнивших города толпами вольных бездомников, явило миру аморализм киников. Нынешний распад "среднего класса" возродило те же релятивистские мотивы у Сартра, Рассела и всех эмотивистов. И причина их нравственного скептицизма, очевидно, не в том, что они никогда не слышали, что добро есть то, что приносит людям счастье, что они одобряют и т.д. Но почему я должен ценить счастье, одобрение или нормы людей? – на разные лады недоумевают они. Причина – в объективной свободе этих интеллигентных одиночек от ига поля,

цеха и коллектива и потому свободе также от чувства нецелесообразных основ нравственности и морали.

Таким образом, принятые в этике характеристики добродетели: её **обязательность**, **долг** и вообще **долженствование** есть другое имя необходимости, та же целесообразность, просто сменились обстоятельства, с которыми необходимо соотноситься.

Вместе со всем поведением общественная регуляция направляет также и наши мысли.

Почему надо ходить в церковь или на митинг? Почему требуется разделять мнение лидера или шефа? Почему смешит паралогизм? Почему правильно говорить "люди", а не "человеки", хотя это соответствует грамматической парадигме – и дети часто так и говорят? Потому же, почему надо есть вилок, а не руками. Потому что таковы общественные *нормы* и их нарушение вызывает по меньшей мере потерю уважения и дискриминацию, отказ в приеме в семью, в университет или на работу, в избрании в депутаты – и т. п. лишения.

5.5.10. **Общественные зависимости как скрепы мысли или рта**

Зависимость (5.5.9) от сообщества есть то, что заставляет людей придерживаться общественно принятой эстетики, морали и всей *культуры и идеологии*, а часто и науки, – делает *сознание коллективным*.

И социальные зависимости служат весьма действенным инструментом управления сознанием. Именно интерес солидарности: общественное мнение и воздаяние, поощрение окружающими принятых ими взглядов и осуждение инакомыслия – превращает идеи в нормы.

Даже в демократической Америке позапрошлого века с ее, казалось бы, полной свободой слова, к удивлению А.де Токвиля, каждодневное давление большинства создает для инакомыслящего нештучную опасность его бизнесу и карьере: его дела и его самого просто избегают, поскольку даже рыночная зависимость заставляет каждого интересоваться мировоззрением партнера, его церковью, членством в каком-то клубе и другими свидетельствами добропорядочности:

– А где гарантия качества его товара? А возвращения мне денег?

Зависимость от общества может принуждать даже к лицемерию. По свидетельству Ф.Энгельса, для тогдашних английских образованных буржуа религиозность была лишь благопристойностью, но признайтесь, что вы атеист, – и на другой день они сделают вид, что с вами незнакомы (т.1, с.574–575). Но и в начале 20 века, по воспоминаниям Ж.-П.Сартра, французские буржуа были религиозны лишь напоказ, из приличия (1966, с.79). Впрочем, сознавать себя ханжой, надо

думать, неприятно – и лицемер либо становится циником, либо из склонности к самоидеализации (5.4.2) подыскивает мнимые доводы, чтобы если не переубедить, то обольстить себя и стать в своей показной вере искренним или хотя бы сомневающимся – "агностиком".

Но если на идеологический вызов бывает непросто решиться в современном рыночном и демократическом обществе, то тем более это было "чревато" в доиндустриальной старине, когда каждый рождался и жил как член какой-то семьи, общины деревни или города, сословия, конфессии, этноса и корпорации – и весь век пребывал на своем общественном месте, повязанный персональными зависимостями именно от этих людей и отвергаемый всеми другими как чужак. Много ли в таких условиях было возможности у индивида открыто отказаться от религии и обычаев рода, даже если он в чем-то усомнился?

Но и сегодня у многих ли хватит духу ради своего особого мнения пойти на идеологическую или научную конфронтацию с окружающими? готовности ради каких-то идей пожертвовать расположением к себе своих близких, друзей и коллег и своим общественным положением? в условиях соперничества и конкуренции подвергнуть опасности свое дело? свою карьеру? рискнуть доверием покупателей, клиентов, кредиторов? может быть, стать отверженным в семье, в своем круге знакомств или в корпорации?

Сообщество отвергнет как сумасброда всякого, не желающего считаться с установленными в нем мнениями и порядками, не признающего основной закон всякого пиршества: либо пей, либо уходи, – и вдруг возжелавшего, чтобы приличная комедия не была бы комедией; но почитает благоразумным того, кто снисходительно смотрит на окружение и вежливо заблуждается заодно с ним. И господствующее мнение становится для ума тем же, что одежда для наготы: сомнение стыдится себя и не смеет вылезти из предрассудков.

Вот как бэконовский "идол племени" (*idola tribus*) вызывает у людей, зависимых от социума, боязнь общественного осуждения за инакомыслие: боязно прослыть глупцом, не знающим общеизвестного. Вот что вызывает желание понравиться: поддакивание, конформизм, популизм, демагогию и другие формы угодливости общественному мнению. Эти социальные страхи и вынуждают человека, подобно андерсеновскому королю, публично ходить голым.

.....

Особенно велико влияние зависимости от окружающих на людей несамостоятельных, себе не хозяев и не знающих иного выбора. Чем слабее человек сам по себе, тем, естественно, он зависимей от других.

Таковы патерналы, живущие сторонней милостью и покровительством, но прежде всего таковы подростки на стадии, когда они только вырываются из-под родительской опеки во внесемейный мир и не освоились в нем. Впрочем, такими бывают и люди, телесно вполне взрослые, но духовные инфантилы, дети изрядного возраста. Отличающее их болезненное желание нравиться окружающим делает их беззащитными перед задором и подстрекательством. Именно в угоду компании ради показной лихости они начинают курить, пьянствовать, принимать наркотики и неожиданно для себя бросаются на хулиганство, воровство и другие преступления, перенимая манеры, моду, вкусы – всё, чтоб стать уважаемым в их глазах.

Надежды на какое-то внешнее оберегание от микробов дурного влияния: оградят родители, школа, полиция, государство и т. д. – понятны, но утопичны. Инфантилы обречены. Человека спасает только собственный внутренний психический иммунитет, а его даёт высокая культура и, что, пожалуй, еще важнее, – осознание суровых жизненных потребностей, что обычно называют, *серьёзность*, воспитываемая самостоятельным опытом и трудом.

5.5.11. Социальное раскрепощение мысли

Однако взаимная зависимость людей вовсе не вечна и не тотальна – и материальная независимость даёт также и духовную независимость. Вот почему рост безличных товарно-денежных отношений, ослабляя персональные связи, освобождает и индивида, делая его скептическим и дерзким. В этом одна из основных причин противоположности менталитета распределительной и рыночной формаций: в условиях общинной и государственной опеки патернал приучается к упованию на власть, к беспечности и долготерпению, лукавству и простодушию, безынициативности и косности, а в условиях предоставленности самому себе индивид вынужден обрести предприимчивость и самонадеянность, раскованность и свободолобие, критичность и расчетливость, любознательность и толерантность.

Такой критично-расчетливый менталитет и есть та почва, из которой вырастают наука и демократия.

5.5.12. Общественные коллизии познания

Нравится нам это или нет, но и колеи понимания и идеалов, и зависимости – общественные скрепы менталитета втягивают познание во все общественные драмы. Судьба Сократа и Скорины, Дж. Бруно и М. Сервета, Г.Галилея и М.В.Ломоносова, А.Лавуазье и Ч. Дарвина,

Ю. Майера и О.Хэвисайда, А.В.Чаянова и Н.И.Вавилова, Н. Д. Кондратьева и С.П.Королева, Э.В.Ильенкова и А.И.Солженицына и множества других подвижников истины показывает, что знание распространяется вовсе не само собой, своим светом, при общем восхищении, а часто в тяжелой борьбе с прокрустацией и своекорыстью невежества и непонимания, сквозь тернии соперничества, ревности, зависти, ненависти, наветов, интриг, запретов и гонений. Да и возможно ли внедраматическое познание?

.....

5.5.18. Границы идеократии

... Аналогично идеократия не в силах создать идеалы, воодушевительные для народа, а вынуждена довольствоваться использованием уже бытующих в его среде страхов перед необеспеченностью или войной, возмущением несправедливостью и т. д. и мечтаний о росте благосостояния, безопасности, дружелюбия, уважения и т. д. Идеократия свободна только обратить их на путь и средства, возможно, ложные, но привлекательные властителям, впрочем, и здесь сообразуясь с доминирующими в народе парадигмами миропонимания. Мифы творятся не правителями или идеологами, а ментальностью народа.

Не большевики создали в России миллионы изгоев – маргиналов и люмпенов из разоренных и деклассированных бурной капиталистической индустриализацией и феодальными пережитками крестьян и горожан, вырванных из привычных патриархальных отношений и норм, но не устроенных и в новых, обездоленных и униженных, завистливых и обидчивых, озлобленных и отчаянных, неконкурентоспособных и потому враждебных к миру конкуренции и рациональности ("расчетливости"), проклятому капитализму, непонятному и опасному, и ко всем устроенным в нем, "мещанам" и "барам". Соответственно не большевики создали маргинальную реакцию на буржуазный мир – идеалы упразднения торговли и частной собственности и замены их распределением и общностью имущества, реставрации общинного коллективизма и уравнительности, словом, коммунистические идеалы. Большевики сами были такими изгоями, а потому идеологами и предводителями этих изгоев. Хотя и сами породили десятки миллионов новых люмпенов в 1930-е гг.

Не большевики создали у патернального большинства россиян добродушную доверчивость, склонность к восторженной мечтательности, веру во всемогущество государства и чудотворцев – его харизматических лидеров, идеалы опеки над собой государства и оттого самоотверженную, даже героическую ему покорность. Вожди и государство

маргиналов только эксплуатировали это мессианское прожектерство, эгалитаризм и этатизм для организованного внушения массового сочувствия своей коммунистической программе. И эксплуатация коммунистической пропагандой патерналистско-маргинальных идеалов была успешной, пока печальная реальность их не растоптала и не отрезвила большинство народа (5.4.17).

Действия и необходимости бытия несравненно сильнее любой рекламы и пропаганды. В условиях запрета инакомыслия и своей монополии идеократия диктатуры, конечно, в состоянии добиться любых *видимых* побед, утверждать, что угодно, сегодня – одно, завтра – другое, – любую ложь. Почему бы нет, когда мало кто смеет возразить? Создается зрелище всеобщего единомыслия, духовного "монолитного единства" и "массового энтузиазма". Но если реальность с ним в разладе, эта триумфальная картина оказывается лишь видимостью.

.....

Из 5.5.23. **Догматизм в науке**

Догматизм считается пороком идеологии, но никак не науки. Ведь она критична и доказательна. Увы, наука критична и доказательна в своих принципах, но далеко не всегда в своей практике.

Как вы считаете, является ли добытое наукой знание истиной? Вот это мнение – считать все в науке истиной – и есть догматизм. Но не сердитесь, этот ярлык – не оскорбление, а только классификация, потому что тот, кто не считает науку истинной, подпадает под другое имя – релятивист.

Догматизм – тяжелое явление, всеобщее и неизбывное, которое поражает всякое сознание, включая и науку. Чем еще можно объяснить научные разногласия в истолковании одних и тех же фактов, хотя они известны всем спорящим научным школам? И для этого втискивание фактов в заранее взятые, "предвзятые" теоретические схемы? Как иначе назвать нетерпимость спорящих, нежелание не то, что обсуждать, но хотя бы выслушать рассуждения и доводы оппонента, познакомиться с отвергаемой концепцией? Не говоря уж о немыслимой трудности, а то и прямо невозможности в чем-то переубедить спорящих? (1.2.13, 5.4.24).

Тяжелый исторический факт: новые теории встречают в науке недоверие, а то и гонения. Судьба Галилея, Майера, Вавилова – совсем не исключение.

Притом совершенно так же, как в идеологической полемике, в научных дискуссиях обычны отвратительное стремление дискредитировать и затравить оппонента, враждебность и презрение, явно исходя-

щие из предубежденности, что инакомыслящие – дураки, и то и дело прорывающиеся в насмешках, личных нападках, и открытой непорядочной брани "диких идей", иные из которых впоследствии признаются гениальными. Где же тут логика? Причем здесь разум?

В науке царят не одни только факты и логика, но, как, впрочем, и всюду, всегда много неразумного: предрассудков и неопределенностей, спорного и уклонений от споров, недосказанного и пренебрежения к доказательству, к фактам и противоречиям, внушений и запугиваний – и всех других проявлений догматической самонадеянности и упрямства. Мы уже не раз имели случай видеть это печальное обстоятельство.

.....

Особенно ожесточенные и глухие споры (5.4.19) вспыхивают среди ученых при смене философских парадигм понимания и идеалов, а вслед за ними – и общих научных теорий. Таковы дискуссии Аристотеля и Галилея, Ньютона и Лейбница, астрономии Птолемея и Коперника, биологии Ламарка и Дарвина, электродинамики Максвелла и Планка, Лоренца и Эйнштейна.

Теория Ньютона на континенте была признана только через полвека (5.4.24). Кислородная теория горения Лавуазье (1777 г.) не признавалась флогистиками более 30 лет, а в Берлинской академии наук они в 1795 г. не погнушались торжественно сжечь портрет Лавуазье. Европейские академики 18-го столетия отвергали все сообщения о метеоритах, огненных камнях, с грохотом падающих с неба, потому что по их теориям такое было невозможно. Ж.Ламарка вспомнили лишь через полвека, уже после Ч.Дарвина, в дискуссии о нем. Австриец Ф. Месмер, а за ним и некоторые другие врачи в конце 18 в. использовали гипноз для обезболивания хирургических операций. Но институтированная медицина целое столетие отвергала эти факты, потому что они и тем более их месмеровское объяснение излучением "животного магнетизма" противоречили ее теории. Научные журналы и медицинские общества отказывались верить и печатать сотни отчетов о таких "волшебных" обезболиваниях и исцелениях, не хотели верить даже собственным глазам, когда такую операцию безболезненной ампутации конечностей проводили прямо перед ними, третируя их как шарлатанство. Я.Больян свои исследования по неевклидовой геометрии опубликовал в 1832 году, прожил еще 28 лет, но так и не дождался его признания. Доклад Б.Римана в 1854 г. о неевклидовых геометриях просто не был понят высокочтимыми слушателями и был опубликован лишь через 13 лет, в 1867 г., уже после смерти автора.

Ю.Майер за свой закон сохранения энергии, ставший основой всей современной науки, в свое время подвергся травле, угодил на несколько лет в сумасшедший дом и едва не кончил самоубийством. Такова-то благодарность человечества. Но как могло быть иначе, когда уже не одно столетие всякий уважающий себя механик считал своим долгом попробовать свои силы в изобретении вечного двигателя – и вдруг, на тебе, выискался какой-то врачиска, который доказывает, что это невозможно? Да что он смыслит в физике? Ну, конечно же, он сумасшедший. Не иначе. Генетические законы наследственности, экспериментально открытые Г.Менделем в 1866 г., нашли признание только в начале 20 века, а у нас и того позже.

.....

Из 5.6.2. Что такое мистика?

... Обычно сверхъестественное понимают как противоречащее естественным законам. Но ведь биологические явления противоречат законам механики, механические – законам химии и т.д. А разве кто-нибудь знает *все* естественные законы? А разве религиозные Ньютон или Планк отрицали естественные законы? Но тогда что же такое сверхъестественное? Что такое мистическое?

.....

Фрагменты 13. Из 5.7. Необходимость очарования

.....

5.7.2. Зачем нужна глупость

Каким бы *идеал* ни был, ясным или туманным, реалистичным или утопичным, воспринимается он всегда очень эмоционально, потому что является воображаемым избавлением от реального страдания (5.2.3 - 5) и служит побудителем *действия: бегства* от мира, как в квиетистских религиях, наркомании, книжных грезах, бродяжничестве, хиппи и прочих видах эскапизма, или *переделки* мира, как в технических проектах или социальных провидениях Бэкона, Мора, Монтескье, Морриса или Маркса.

Известный публицист И.Клямкин, осуждая энтузиастов 1930-х годов за наивные иллюзии казарменного социализма, пришел к отвержению вообще самоотверженности, жизни не ради настоящего, а ради будущего: "Жизнь без настоящего – это жизнь в духовной пустоте". (1989, с.230).

Это неверно. Как раз наоборот: смысл жизни – всегда в идеалах, целях, замыслах, планах и их осуществлении. Эти практические идеи

– идеи о будущем, и без них настоящее теряет смысл. Жизнь без будущего – духовная пустота, потому что это жизнь без идеалов, целей и надежды избавиться от настоящего зла. Притом практические идеи могут требовать жертв, как при диабете – диету или при гангрене – ампутацию.

Просто идеалы бывают заблуждениями или чужими, навязываемыми, вызывая неверие и неохоту жертвовать ради них настоящим. Но если идеал *свой*, он бывает нам так дорог, что мы слепнем даже к его явной ошибочности. А избавь безрассудца от его сумасбродства – и он в унынии и прострации не захочет жить, – как зачах Дон-Кихот, избавленный сердобольными реалистами-соседями от его мании.

Ошибочно думать, что идеализация (5.4.1) – только плохо. Идеализация необходима. Без ослепления идеалами, если б люди видели все пятна на своих солнцах, не было бы ни очарований **любови**, ни родительской самоотверженности, ни энтузиазма **новаторов** и борцов, ни **подвига** в преодолении отчаянных положений – и люди превратились бы в жующих животных и вымерли. Воистину на дураках мир держится. Необходимы не только ум, но и глупость.

Горечь разочарований сеет неверие в осуществимость идеалов. Но и это обобщение однобоко и поспешно. Оживляя практику, идеалы не только рушатся, но и сбываются.

Сколько смеялись над вечно ускользающей "великой американской мечтой". Да, рай ускользал, но сколько в погоне за ней было освоено цветущих ныне земель и построено богатых городов, где пусть не все, но многие люди нашли счастье, если не безоблачную благодать, то комфорт и обеспеченность, которым другие завидуют.

Даже если коммунизм – утопия, его основные идеалы все же осуществляются, пусть иными путями и в другой форме, чем думали Бабеф, Маркс или Ленин. Осуществляются, потому что всякие идеалы являются обращенными отражениями **разладов** бытия, воображаемым устранением реальных страданий (5.2.5). Таким образом, коммунизм и не будет, и уже претворяется. (См. *Начала нецеситной социологии*, XI.3.)

Идеалы сбываются, но чаще всего не так, как мы мечтали. Всякое достижение идеала ведет как к счастью, так и к разочарованию, открытию новых бед и неутоленных новых идеалов.

5.7.3. Необходимость догматизма

Догматизм необходим? – такое заявление кажется каким-то парадоксом, надуманным ради эпатажа. И тем не менее это так.

.....

1. Генетическое введение

1.1. Зачем познавать познание?	3
1.1.1. Что такое гносеология? 1.1.2. Противоречивость познания. 1.1.3. Возникновение гносеологии 1.1.4. Зачем гносеология? 5. Как понимают, что значит знать? 1.1.6. Где чистилище предпосылок?	
1.2. Основные направления	13
1.2.1. Путь “чистого разума”. 1.2.2. Начала “чистого разума”. 1.2.3. Финал “чистого разума”. 1.2.4. Интуитивизм. 1.2.5. Сенсуализм. 1.2.6. Проблемы сенсуализма: рози и связи ощущения и мысли. 1.2.7. Проблема достоверности ощущений. 1.2.8. Онтологические истоки и исходы сенсуализма. 1.2.9. Познаваем ли мир? 1.2.10. Кто агностик? 1.2.11. Скорпион агностицизма. 1.2.13. Конвенциональный конструктивизм. 1.2.14. Материалистическая онтология познания. 1.2.15. Свойства объективные и субъективные. 1.2.16. Диалектика ощущений и разума. 1.2.17. Презентационизм. 1.2.18. Знаковая гносеология.	
1.3. Что такое быть?	47
1. Что значит быть?. 2. Что такое Ничто?. 3. Субъективация объективности. 4. Абсурды сенсуальной реальности. 5. Мыслевый реализм. 6. Засознанная реальность. 7. Как является объект в субъекте? 8. Проблема не-Я в материализме. 9. Зачем нам знать заопытность вещей? 10. Практизм. 11. Эмпиризм. 12. Кинематизм. 13. Биологизм. 14. Технологизм – социологизм.	
1.4. Сомнение	74
1. Резюме основных гносеологических проблем. 2. Гносеологические слабости современного материализма. 3. Скептицизм. 4. Переход агностицизма в релятивизм. 5. Опустошение философии. 6. Круг гносеологии и онтологии. 7. Пробуждение России к гносеологии.	

Часть I. К нецеситной колейной гносеологии

2. Взгляд

2.1. Диво восприятия	91
1. Что такое Я? 2. Существуют ли ощущения? 3. Биологические шоры ощущений. 5. Почему мы воспринимаем то, что не ощущаем? 6. Как возможно узнавание предметов? 7. Индивидуальность восприятия. 8. Прозрачность восприятия. 9. Образы вещей – не вещи.	

2.2. Колейны восприятия 106

1. Сущность познания. 2. Что такое живое отражение? 3. Отражение – не информация. 4. Отражение – не изоморфизм. 5. В чем различие отражения в природе и в живом? 6. Регулятивность живого отражения. 7. Идеальность и изобразительность сознания. 8. Что такое «чувственное познание»? 9. Нейрофизиологический анализ и синтез. 10. Диалектика репрезентанта и образа. 11. Колейны. 12. Память. 13. Узнавание. 14. Вариантность колейна. 15. Подсознательное обобщение. 16. Генезис восприятия. 17. Что лежит под Gestalt'ами? 18. Колеи любви и ненависти.

2.3. Творящий взгляд 133

1. Почему восприятие индивидуально? 2. Когда восприятие противоречит разуму? 3. Гипотетичность восприятия. 4. Иллюзии. 5. Почему процесс узнавания бессознателен? 6. Избирательность восприятия и установка. 7. База интенции. 8. Странности представления. 9. Что такое воображение и фантазия? 10. Транзитивный закон воображения. 2.3.11. Труд и воображение.

3. МЫСЛЬ

3.1. Диво мышления 142

1. Как устроено умозаключение. 2. Непредставимые представления. 3. Понятийный эталон. 4. Вероятностная абстракция. 5. Потусторонние понятия. 6. Шум слов – без понятий. 7. Призрак бестожественного и безобразного знака. 8. Есть ли объекты знака без знака? 9. Дает ли мышление новое знание? 10. Синтез без анализа, анализ без синтеза. 11. В чем для номинализма различие синонимов и значение фантастических и атрибутивных понятий? 12. Что означает предикация? 13. Зачем нужен разум? 14. Откуда новые мысли? 15. А попробуйте-ка без разума.

3.2. Диво логики 162

1. Откуда взялась логика? 2. Случайна ли мысль? 3. Может быть, логика – человеческое изобретение? 4. Как люди следуют логике, не ведая о логике? 6. Мыслит ли природа? 7. Антилогическая диалектика. 8. Внелогические рули мысли. 9. Различие действий рук и действий ума. 10. Безмысленность компьютера.

3.3. Колейны понятий и пониманий 178

1. Начала нецеситной рациологии. 2. Чем не является понятие. 3. Обьективное общее. 4. Колейная база понятий. 5. Релационность понятия. 6. Как создаются понятия. 7. Инвариантность понятия. 8. Схематизм понятия. 9. Вариантность понятия. 10. Безотчетность понятий. 11. Обыденные понятия. 12. Системность понятий. 13. Символизм понятия. 14. Надситуативность понятия. 15. Сохраняемость понятий. 16.

Противоединство понятийного концепта и представления. 17. Обобщенность и детальность понятия. 18. Как понятие связано со словом? 19. Поведение не раскрывает значение знака. 20. Классы создаются подобиями. 21. Номиналистические условия логических и математических парадоксов. 22. Разрешение инфинитных и семантических антиномий. 23. Образный исход семантики. 24. Как происходит обозначение. 25. Механизм общения. 26. Понимание: осмысление и объяснение. 27. Узнавание – способ понимания. 28. Понимание. 29. Герменевтический круг. 30. Духовные и практические предусловия понимания. 31. Проявления понимания в поведении. 32. Практическая база. 33. Различие поведения и практики. 34. Непонимание и недоразумение.

3.4. Мысль изреченная 206

1. Почему языков много? 2. В чем важнейшие различия языков. 3. Практические границы взаимопонимания. 4. Сознание шире языковой семантики. 5. Тотально ли взаимонепонимание? 6. Как преодолеть взаимное непонимание. 7. Преодоление разноязычия. 8. Признаки – почва языка. 9. Генеалогия языка. 10. Символы. 11. Знак. 12. Меты и медиаторы знака. 13. Генезис жестов. 14. Что обращает знаки в язык. 15. Система языка. 16. Надзнаковость языка. 17. Законы возникновение языка. 18. Спираль практики и языка.

3.5. Логика и интуиция 227

1. Мышление есть общение. 2. Внутренняя речь и абсолютное понимание. 3. Внутренняя речь и специализация полушарий мозга. 4. Человечность сознания. 5. Почему интуиция алогична? 6. Соображение и его колейный механизм. 7. Доречевое соображение. 8. Разум. 9. Доречевое соображение у человека. 10. Доказательства образности понятий. 11. Распознающие и соображающие компьютеры. 12. Происхождение суждения. 13. Диалоговость суждения. 14. Веления и вопросы как суждения. 15. Происхождение умозаключения. 16. Закон тождества. 17. Первичность и универсальность аналогии. 18. Подсознательность умозаключений. 19. Эвристические законы. 20. Искусственные эвристики. 21. Предусловия и законы интуиции. 22. Дополнительность интуиции и рассудка. 23. Единство созерцания и мышления. 24. Иллюзии непредставимости понятий. 25. Образность научных понятий и её специфика. 26. Понятия в восприятии и представлении. 27. Интуиция второй степени. 28. Понятие как формы мышления. 29. Тайна логичности.

4. Дело. К нецеситной праксиологии познания

4.1. Практика и необходимость в познании 259

4.1.1. Практическое начало познания. 2. Смысл познания. 3. *Esse est percipi*. 4. Объективное как инвариант ощущений. 5. Практическое предвидение объективного. 6. Объективность как внесознанность. 7.

Противоединство объективного и субъективного. 8. Мосты между Я и не-Я. 9. Прозрачность сознания. 10. Конструирование своего Я. 11. Что значит быть? 12. Бытие пространства и времени. 13. Бытие и ничто. 14. Отрицание. 15. Реальность и кажимость. 16. Возможно ли доказательство объективности? 17. Различие деятельности и практики. 18. Области практики. 19. Опыт. 20. Субъект и объект действия и познания. 21. Взаимоопределенность субъекта и объекта. 22. Нет субъекта без объекта. 23. Единство субъекта и объекта. 24. Практиковость познания. 25. Смысл практики. 26. Что такое необходимость? 27. Важность и оценка. 28. Необходимость – мать познания. 29. Что стоит за ценностными идеями? 30. Необходимая связь практики и познания. 31. Важность – смысл практики.

4.2. Практиковый органон познания 286

1. Практика как средство познания. 2. Как в цветных пятнах мы видим пространство и вещи? 3. Чем скрыта познавательность тела? 4. Почему для прозрения недостаточно зрячих глаз. 5. Практиковая разгадка интенции. 6. Перцептивная база презентационизма. 7. Перцептивная база феноменализма. 8. Объяснение идеальности сознания. 9. Почему в нейрофизиологии не может быть образов восприятия. 10. Поведение и кинематика, практика и динамика мира. 11. Откуда идея причины? 12. Операциональность разума. 13. Почему мир познаваем. 14. Можно ли преодолеть субъективное в знании? 15. Мир как орган познания мира. 16. Орудия производства как орудия познания. 17. Почему познаваемость всеобща. 18. Необходимая детерминация живого отражения. 19. Бытийная детерминация знания. 20. Бытийные пределы знания. 21. Бытийные предосновы понимания. 22. Закон самоподобности понимания. 23. Бытийные истоки рационализма. 24. Бытийные истоки эмпиризма. 25. Бытийные основы подсознания. 26. Подсознание здравого смысла, интуиции и менталитета. 27. Опытность допытного.

4.3. Происхождение логики 309

1. Выдумка логики. 2. Практиковые истоки мышления. 3. Логическая необходимость. 4. Виды необходимости. 5. Откуда логический запрет противоречий? 6. Различие необходимости и неперменности. 7. Практическая селекция логики. 8. База логической аподикции. 9. Нецелесообразная логика. 10. Логика как социальные нормы. 11. Подобие логики и языка. 12. Проклятая логика. 13. Чудесная логика. 14. Почему не может быть иных логик. 15. Онтогенез логики. 16. Исторический филогенез логики. 17. Загадка логических отношений.

4.4. Практиковое развитие знания 321

4.4.1. Раздвижение знания. 2. Закон развития понимабельных парадигм. 3. Возникновение понимания. 4. Откуда мифологическое созна-

ние? 5. Практикованная почва материализма. 6. Механицизм. 7. Естественные причины, силы и энергии. 8. Динамика динамических понятий. 9. Антропоморфизм в современной физике. 10. Логицизм мира. 11. Антропоморфизм в логике. 12. Бытийная основа спекулятивной диалектики. 13. Биоселективная парадигма. 14. Как мы знаем запрактическое? 15. Вероятность запрактического знания. 16. В чем различие познания в физике и в истории? 17. Генетическая теория. 18. Почему пониманий много? 19. Дно и предел понимания. 20. Что остается непостижимым? 21. Стимулы познания. 22. Проблема проблемы. 23. Практическая проблема. 24. Удивление. 25. Проблема как стимул познания. 26. Вопрос и задача. 27. Псевдопроблема. 28. Средства и объекты познания. 29. Свобода и необходимость мысли.

Часть II. Сквозь идеал.

К аксиологии познания

5.1. Проблемы подценности знания 361

1. Что такое мифоид? 2. Откуда приходят мифы? 3. Миф о мифе. 4. Миф – не обман. 5. Миф – не иносказание. 6. Несовершенное объяснение. 7. Миф и магия. 8. Миф – не метафора. 9. Миф и социальные нормы. 10. Неразгаданность мифа. 11. Пристрастность разума. 12. Идеология как социальный миф. 13. Идеал бесстрастного познания. 14. Долой философию. 15. Антипозитивизм. 16. Как размежевать науку и ценности? 17. Стратовость идеологии. 18. Мессианские нации, классы, партии и пророки. 19. Классовая прокаженность идеологии. 20. Кто мессия? 21. Возможно ли бесстрастное познание? 22. Идеологизация науки. 23. А остается ли наука? 24. Самоопровержение идеологизма.

5.2. Знание и ценности 379

1. Идеи познавательные и ценностные. 2. Предусловия ценностных идей. 3. Функции практических идей. 4. Ценностные истоки познания. 5. Происхождение идеала и нравственности. 6. Авторы и скрижали нашей духовности. 7. Стратовость духовности. 8. Примитивизация стратовости сознания. 9. Духовность и философия. 10. Происхождение идеологии. 11. Истоки недоверия к идеологии. 12. Идеологическая монополия и плюрализм. 13. Идеологична ли наука? 14. Познание в идеологии. 15. Феномен утопии. 16. Обман в идеологемах. 17. Загадка идеаловых фантомов.

5.3. Прокрусты понимания 397

1. Третий путь в понимании духовных фантомов. 2. Проблемные условия различий мирознания. 3. Колейные прокрусты. 4. Необходимая мера прокрустации. 5. Предварение. 6. Прокрусты понимания. 7. Мифокосм. 8. Антиподы мифа и науки. 9. Современные мифоиды. 10.

Призраки. 11. Призрачные доказательства. 12. Почему наука потеснила мифологию. 13. Прокрустационные чудища преображаемого мифизма. 14. Кентавры религии и материализма. 15. Прогресс механицизма. 16. Механицистские прокрусты. 17. Преодоление механицизма новыми парадигмами.

5.4. Прокрусты идеалов 412

1. Идеализация и очернение. 2. Идеализация себя. 3. Эвфемизм. 4. Самообольщение попытками. 5. Переобвинение. 6. Переосмысление запретных влечений. 7. Секрет лести. 8. Идеализация любимого. 9. Идеализация идеального. 10. Феномен чар. 11. Стратовость чар. 12. Идеоловая косность. 13. Фанатизм. 14. Догматизм фанатика. 15. Фанатизм и психозы. 16. Чары и бред. 17. Прозрение. 18. Ум в броне гордости. 19. Спор глухих и спор внемлющих. 20. Условия переубеждения. 21. Эмоциональная подготовка переубеждения. 22. Призмы идеалов в философии. 23. Идеалы в идеалологии. 24. Диктат идеалов в науке. 25. Менталитет и научная парадигма. 26. Познавательный и практический путь к освобождению от ментальных чар.

5.5. Социогносеология 447

1. Социальные корни разума и очарования. 2. Социальные корни фанатизма. 3. Идеоловое расчуждение. 4. Легендизация. 5. Культура – плоть менталитета. 6. Субстраты культуры. 7. Автономия культуры. 8. Культурные каноны познания. 9. Социальная регуляция идеологии и культуры. 10. Общественные зависимости как скрепы мысли или рта. 11. Социальное раскрепощение мысли. 12. Общественные коллизии познания. 13. Доверие. 14. Общественное внушение. 15. Убеждение. 16. Что является достоверным? 17. Идеократия. 18. Границы идеократии. 19. Плоды идеократии. 20. Необходимость и веры, и сомнения. 21. Вера и знание. 22. Бессомненность догматизма. 23. Догматизм в науке. 24. Причины догматизма. 25. Доктринерство. 26. Учёное доктринерство. 27. Отворот ума от догм.

5.6. Вероятностный менталитет 489

1. Две вероятности. 2. Что такое мистика? 3. Загадочность мистики. 4. Мистика и фантазия. 5. Мистика – не обман. 6. Как становятся колдунами. 7. Мистика – не заблуждение. 8. Сверхзаконы. 9. Разум в мистике. 10. Страх в мистике. 11. Мистика – не невежество. 12. Обусловленность бессилия. 13. Ум под случайностью. 14. Время непонимания. 15. Что такое мистический трепет. 16. Автоморфизм в религии. 17. Корни атеизма. 18. Безбожие отчаяния. 19. Мистика в атеизме. 20. Истина мистики. 21. Антиграницы чуда. 22. Религия как антипод мистики. 23. Мистика – не вера. 24. Соединение мистицизма и религиозности.

5.7. Необходимость очарования	512
1. Смысл прокрустации для практики и познания. 2. Зачем нужна глупость. 3. Необходимость догматизма. 4. Незаменимое понимание. 5. Когда скепсис губит. 6. Магия или доразум. 7. Миф или одичание. 8. Как размежевать в глазах мистика мистика и природу? 9. Необходимость мистики мистика. 10. Необходимость утопий. 11. Критическая истина и практическая польза утопий. 12. Смысл жизни. 13. Если наш мир воображаем, то что такое безумие?	
5.8. Ценностные бульдозеры познания	522
1. Скорпион аксиологического агностицизма. 2. Двузначность очарования для познания. 3. Истины мифов и мифы истин. 4. Два интереса. 5. Познавательный интерес. 6. Волнения мысли. 7. Безумие страсти. 8. Безумие равнодушия. 9. Противоединство интересов и истины. 10. Общественные условия заинтересованности в знании. 11. Условия ложности идеологии. 12. Идеология, способная к истине. 13. Историчность доступа к истине. 14. Социальная база влиятельности идей. 16. Интерес в естествознании. 17. Спираль ценностей и знания. 18. Как преодолеть предвзятость. 19. Социальные познавательные нормы. 20. Два разума. 21. Социальные нормы разумности и разума. 22. Существует ли добуржуазный рационализм? 23. Антагонизмы современного разума. 24. Эффективность в разуме. 26. Истина и ложь разумности. 27. Примета безумия.	
<i>Литература ссылок</i>	552
<i>Оглавление</i>	560

О приобретении и переиздании **типографских** книг
обращаться по адресу

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru newfrost@inbox.ru или
libraev@mail.ru

Или в издательства.
